

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций
Свидетельство № 015372 от 02.11.1996 г.

Журнал входит в систему Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ)

Председатель редакционного совета:

кандидат технических наук, доцент

Андрей Валерьевич Федичев

Главный редактор:

доктор экономических наук, профессор

Борис Борисович Леонтьев

Шеф-редактор,

заместитель Главного редактора:

Григорий Иванович Макаренко

Учредитель и издатель:

Федеральное бюджетное учреждение
«Научный центр правовой информации
при Министерстве юстиции
Российской Федерации»

Отпечатано в РИО НЦПИ при Минюсте России.

Печать цветная цифровая.

Подписано в печать 15.12.2016 г.

Общий тираж 500 экз. Цена свободная.

Адрес редакции:

125437, Москва, Михалковская ул,
65, стр.1

Телефон: +7 (495) 539-23-14

E-mail: inform360@yandex.com

Требования, предъявляемые к рукописям,
размещены на сайте

<http://www.informatika360.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАЩИТА ИНФОРМАЦИИ ОТ УТЕЧКИ ПО КАНАЛУ ПОБОЧНЫХ ЭЛЕКТРОМАГНИТНЫХ ИЗЛУЧЕНИЙ

Артамошин С.А. 4

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНО- ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Атагимова Э.И., Потемкина А.Т., Цопанова И. Г. 13

СЕМЕЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ – ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО- ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ростова О.С. 20

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ЛИЧНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ

Гусева А.С. 26

ИСТОРИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА. XX ВЕК. НАЧАЛО

Горбачёва Е.В. 30

О ЦЕННОСТИ ИНФОРМАЦИИ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

Бочков С.И. 35

ПРАВОВОЙ СТАТУС УНИВЕРСИТЕТОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Никифоров С.М. 41

МОДЕЛЬ УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМАХ ДИСТАНЦИОННОГО МОНИТОРИНГА СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Кривошеева Д.А. 48

ABSTRACTS, KEYWORDS AND REFERENCES. 54

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ФЕДИЧЕВ Андрей Валерьевич	Председатель редакционного Совета, кандидат технических наук, доцент, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, г. Москва
АЛИЕВ Самат Бикитаевич	доктор технических наук, профессор, академик РАЕН, заместитель директора департамента развития предпринимательской деятельности Евразийской экономической комиссии, г. Москва
БУСОВ Владимир Иванович	доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой Государственного университета управления, г. Москва
ВИНСЛАВ Юрий Болеславович	доктор экономических наук, профессор, главный редактор журнала «Менеджмент бизнес-администрирование», г. Москва
ГОРБЕЦКИЙ Иван Иванович	Заместитель директора департамента Министерства юстиции Российской Федерации, г. Москва
КОСТОГРЫЗОВ Андрей Иванович	Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук и Российской академии естественных наук, действительный член Академии информатизации образования, г. Москва
КУРБАНОВ Габил Сурхай оглы	доктор юридических наук, профессор, иностранный член редакционного Совета, г. Баку, Азербайджан
МАМАДЖАНОВ Хамид Абиджанович	доктор технических наук, профессор, г. Москва
СТАРОДУБЦЕВ Юрий Иванович	доктор военных наук, профессор, г. С-Петербург
СТЕПАНОВ Владимир Иванович	доктор экономических наук, профессор, научный редактор научно-практического журнала «ЛОГИСТИКА», г. Москва
ШАРШУН Виктор Александрович	кандидат юридических наук, иностранный член редакционного Совета, г. Минск, Белоруссия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЛЕОНТЬЕВ Борис Борисович	Главный редактор, доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, г. Москва
АБДУСАЛАМОВ Руслан Абдусаламович	кандидат юридических наук, доцент, г. Махачкала
АТАГИМОВА Эльмира Исамудиновна	кандидат юридических наук, ответственный секретарь, г. Москва
ВЕТРОВ Александр Григорьевич	кандидат физико-математических наук, начальник отдела аппарата Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, г. Москва
ГРЕЧИШНИКОВ Евгений Владимирович	доктор технических наук, доцент, г. Орел
ГУЛКА Зинаида Николаевна	доктор философии в технике, профессор, иностранный член, г. Кишинев, Молдова
КОСТОГРЫЗОВ Андрей Иванович	Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук и Российской академии естественных наук, действительный член Академии информатизации образования, г. Москва
ЛАЗАРЕВ Виктор Михайлович	доктор технических наук, профессор, г. Москва
ЛЕОНТЬЕВ Борис Борисович	доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, г. Москва
МАКАРЕНКО Григорий Иванович	шеф-редактор, заместитель Главного редактора, г. Москва
МАРКОВ Алексей Сергеевич	доктор технических наук, доцент, генеральный директор НПО Эшелон, г. Москва
МИНДРОВА Екатерина Анатольевна	кандидат юридических наук, г. Чебоксары
СТАРОДУБЦЕВ Юрий Иванович	доктор военных наук, профессор, г. С-Петербург
ТАНИМОВ Олег Владимирович	кандидат юридических наук, доцент, г. Москва
ШИХНАБИЕВА Тамара Шихгасановна	доктор педагогических наук, академик Академии информатизации образования, профессор, г. Москва

EDITORIAL COUNCIL

Andrey FEDICHEV	Chair of the Editorial Council, Ph.D. in Technology, Associate Professor, Actual State Councillor of the Russian Federation, 2nd class, Moscow
Samat ALIEV	Doctor of Science in Technology, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Deputy Director of the Entrepreneurship Development Department of the Eurasian Economic Commission, Moscow
Vladimir BUSOV	Doctor of Science in Economics, Professor, Head of Department of the State University of Management, Moscow
Yuriy VINSLAV	Doctor of Science in Economics, Professor, Editor-in-Chief of the Management and Business Administration Journal, Moscow
Ivan GORBETSKIY	Deputy Director of Department of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow
Andrey KOSTOGRYZOV	Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Science in Technology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences and the Russian Academy of Natural Sciences, Academician of the Academy of Informatisation of Education, Moscow
Gabil KURBANOV	Doctor of Science in Law, Professor, foreign member of the Editorial Council, Baku, Azerbaijan
Khamid MAMADZHANOV	Doctor of Science in Technology, Professor, Moscow
Yuriy STARODUBTSEV	Doctor of Military Science, Professor, Saint-Petersburg
Vladimir STEPANOV	Doctor of Science in Economics, Professor, Science Editor of the Logistics Research and Practice Journal, Moscow
Viktor SHARSHUN	Ph.D. in Law, foreign member of the Editorial Council, Minsk, Belarus

EDITORIAL BOARD

Boris LEONTYEV	Editor-in-Chief, Doctor of Science in Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Moscow
Ruslan ABDUSALAMOV	Ph.D. in Law, Associate Professor, Makhachkala
Elmira ATAGIMOVA	Ph.D. in Law, Executive Secretary, Moscow
Aleksandr VETROV	Ph.D. in Physics and Mathematics, Head of Division of the Central Office of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow
Evgeniy GRECHISHNIKOV	Doctor of Science in Technology, Associate Professor, Oryol
Zinaida GULKA	Ph.D. in Technology, Professor, foreign member of the Editorial Board, Chişinău, Moldova
Andrey KOSTOGRYZOV	Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Science in Technology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences and the Russian Academy of Natural Sciences, Academician of the Academy of Informatisation of Education, Moscow
Viktor LAZAREV	Doctor of Science in Technology, Professor, Moscow
Boris LEONTYEV	Doctor of Science in Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Moscow
Grigoriy MAKARENKO	Managing Editor, Deputy Editor-in-Chief, Moscow
Aleksey MARKOV	Doctor of Science in Technology, Associate Professor, NPO Echelon Director-General, Moscow
Ekaterina MINDROVA	Ph.D. in Law, Cheboksary
Yuriy STARODUBTSEV	Doctor of Military Science, Professor, Saint-Petersburg
Oleg TANIMOV	Ph.D. in Law, Associate Professor, Moscow
Tamara SHIKHNABIEVA	Doctor of Science in Paedagogics, Academician of the Academy of Informatisation of Education, Professor, Moscow

ЗАЩИТА ИНФОРМАЦИИ ОТ УТЕЧКИ ПО КАНАЛУ ПОБОЧНЫХ ЭЛЕКТРОМАГНИТНЫХ ИЗЛУЧЕНИЙ

Артамошин С.А.*

Аннотация. Представлен обзор методов и средств защиты информации от утечки по каналу побочных электромагнитных излучений в их историческом развитии. Даны рекомендации по повышению эффективности защиты.

Ключевые слова: побочные электромагнитные излучения, канал побочных электромагнитных излучений, средство вычислительной техники в защищенном исполнении, утечка информации по техническим каналам, пространственное зашумление, средство активной защиты информации от утечки за счет побочных электромагнитных излучений.

К настоящему времени в различных открытых источниках опубликовано уже достаточно большое количество материалов, посвященных исследованию побочных электромагнитных излучений (ПЭМИ) цифрового электронного оборудования. Авторы этих материалов приводят методики проведения измерений, полученные ими результаты, а также рекомендации по оценке защищенности или по мероприятиям для обеспечения защиты информации от утечки через ПЭМИ. Тем не менее, проведенный анализ публикаций показал, что в этой области есть еще очень много неисследованного и не все составляющие спектра ПЭМИ являются опасными с точки зрения реальной утечки информации.

Побочные электромагнитные излучения (ПЭМИ) — это паразитные электромагнитные излучения, наблюдаемые при работе средств обработки информации [1, с. 339].

Согласно государственному стандарту «ГОСТ Р 50922-2006. Защита информации. Основные термины и определения», устанавливающему основные термины с соответствующими определениями, применяемые при проведении работ по стандартизации в области защиты информации:

- под правом на доступ к защищаемой информации понимается совокупность правил доступа к защищаемой информации, установ-

ленных правовыми документами или собственником, владельцем информации;

- под правилом на доступ к защищаемой информации понимается совокупность правил, устанавливающих порядок и условия доступа субъекта к защищаемой информации и ее носителям;
- под доступностью информации (ресурсов информационной системы) понимается состояние информации (ресурсов информационной системы), при котором субъекты, имеющие права доступа, могут реализовать их беспрепятственно,
- соответственно, под защитой информации от утечки понимается защита информации, направленная на предотвращение неконтролируемого распространения защищаемой информации в результате ее разглашения и несанкционированного доступа к ней, а также на исключение (затруднение) получения защищаемой информации (иностранными) разведками и другими заинтересованными субъектами.

Таким образом, ставший хрестоматийным пример возможности радиоперехвата изображений с дисплея, продемонстрированный в 1985 году участникам Международного конгресса по вопросам безопасности ЭВМ, проходившего в Каннах, может служить примером организации доступа

* **Артамошин Сергей Александрович**, начальник отдела информационной безопасности Министерства иностранных дел Российской Федерации, Российская Федерация, г. Москва.

E-mail: asa_66@mail.ru

субъекта к защищаемой информации и ее носителям в нарушение установленных правил¹.

В соответствии с ГОСТ Р 51624-2000 «Защита информации. Автоматизированные системы в защищенном исполнении» общей целью защиты информации ограниченного распространения, обрабатываемой в автоматизированных системах, выполненных в защищенном исполнении, «является предотвращение или снижение величины ущерба, наносимого владельцу и/или пользователю этой системы, вследствие реализации угроз безопасности информации». При этом «частными целями защиты информации, обеспечивающими достижение общей цели, являются:

- предотвращение утечки информации по техническим каналам;
- предотвращение несанкционированного уничтожения, искажения, копирования, блокирования информации;
- соблюдение правового режима использования массивов, программ обработки информации, обеспечения полноты, целостности, достоверности информации в системах обработки;
- сохранение возможности управления процессом обработки и использования информации условиях несанкционированных воздействий на защищаемую информацию».

При работе автоматизированной системы (средства вычислительной техники) возникают информативные электромагнитные излучения, а в соединительных линиях и посторонних проводниках, находящихся на объекте информатизации, могут появляться наводки от информационных сигналов. Поэтому технические каналы утечки информации можно разделить на электромагнитные и электрические. ГОСТ Р 51275-99 «Защита информации. Объект информатизации. Факторы, воздействующие на информацию. Общие положения» к перечню «объективных факторов, воздействующих на защищаемую информацию» относит:

- электромагнитные излучения и поля;

¹ Участники Международного конгресса по вопросам безопасности ЭВМ, проходившего в Каннах, были ошеломлены тем, что с помощью простого устройства, размещенного в припаркованной машине, была снята информация с дисплея, находящегося на восьмом этаже здания. Причина утечки информации – ПЭМИ. История ПЭМИ своими корнями уходит в далекий 1918 год, когда Герберт Ярдли (Herbert Yardley) со своей командой был привлечен Вооруженными Силами США для исследования методов обнаружения, перехвата и анализа сигналов военных телефонов и радиостанций. Исследования показали, что оборудование имеет различные демаскирующие излучения, которые могут быть использованы для перехвата секретной информации.

- побочные электромагнитные излучения (далее – ПЭМИ);
 - ПЭМИ сигналов (видеоимпульсов) от информационных цепей.
 - ПЭМИ сигналов (радиоимпульсов) от всех электрических цепей технических средств объекта информатизации;
- паразитное электромагнитное излучение;
- наводки, которые в свою очередь подразделяются:
 - наводки в электрических цепях технических средств, имеющих выход за пределы объекта информатизации;
 - наводки в линиях связи;
 - наводки, вызванные побочными и (или) паразитными электромагнитными излучениями, несущими информацию;
 - наводки в цепях электропитания, вызванные побочными и (или) паразитными электромагнитными излучениями, несущими информацию;
 - наводки в цепях заземления.

Побочные электромагнитные излучения возникают при следующих режимах обработки информации средствами вычислительной техники:

- вывод информации на экран монитора;
- ввод данных с клавиатуры;
- запись информации на накопители на магнитных носителях;
- чтение информации с накопителей на магнитных носителях;
- передача данных в каналы связи;
- вывод данных на периферийные печатные устройства – принтеры, плоттеры;
- запись данных от сканера на магнитный носитель (ОЗУ).

Для перехвата побочного электромагнитного излучения средства вычислительной техники «противником» могут использоваться как обычные средства радио- и радиотехнической разведки, так и специальные средства разведки, которые называются техническими средствами разведки (ТСР) побочных электромагнитных излучений и наводок (ПЭМИН). Как правило, ТСР ПЭМИН располагаются за пределами объекта информатизации (контролируемой зоны объекта). Пространство вокруг средства вычислительной техники, в пределах которого напряженность электромагнитного поля превышает допустимое (нормированное) значение, называется зоной 2 (R2). Фактически зона R2 – это зона, в пределах которой возможен перехват средством разведки побочных электромагнитных излучений сред-

Рис. 1. Перехват побочных электромагнитных излучений технического средства обработки и передачи информации (ТСПИ) средствами разведки ПЭМИН [2]

ства вычислительной техники с требуемым качеством (Рис. 1).

Зона R2 для каждого средства вычислительной техники определяется инструментально-расчетным методом при проведении специальных исследований технических средств на ПЭМИ и указывается в предписании на их эксплуатацию или сертификате соответствия.

В соответствии со статьей 28 Закона «О государственной тайне» «средства защиты информации должны иметь сертификат, удостоверяющий их соответствие требованиям по защите сведений соответствующей степени секретности». Организация сертификации средств защиты информации возлагается на федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в области противодействия техническим разведкам и технической защиты информации, федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в области обеспечения безопасности, и федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в области обороны, в соответствии с функциями, возложенными на них законодательством Российской Федерации. Сертификация осуществляется на основании требований государственных стандартов Российской Федерации и иных нормативных документов, утверждаемых Правительством Российской Федерации.

В настоящее время на рынке России широко представлены средства вычислительной техники, выполненные в защищенном исполнении. Так, в числе имеющих сертификат по требованиям без-

опасности информации выпускается средство обработки и передачи информации в защищенном исполнении семейства «Secret» (сертификат ФСТЭК №1437)².

Основное отличие сертифицированных средств вычислительной техники от средств вычислительной техники, прошедших специальную проверку³ и специальные исследования⁴ – в том, что они «дорабатываются на основе технологий снижения уровней информативных излучений пассивными средствами (без применения устройств зашумления)». Так, например, в сертификате для подобных устройств специально делается запись «...устанавливает, что персональная ЭВМ типа... **является основным техническим**

² ПЭВМ «Secret» является защищенным по каналу ПЭМИН техническим средством обработки информации и соответствует требованиям ФСТЭК России для объектов информатизации 2 и 3 категории, а также может устанавливаться в выделенных помещениях до 1 категории включительно без использования средств активного зашумления. При обработке защищаемой информации и (или) размещении в выделенных помещениях второй и (или) третьей категории радиус требуемой контролируемой зоны не превышает 15 метров.

³ Специальная проверка – проверка компонентов автоматизированной системы, осуществляемая с целью поиска и изъятия складочного устройства (по ГОСТ Р 51583).

⁴ Специальные исследования (специальные исследования) – выявление с использованием контрольно-измерительной аппаратуры возможных технических каналов утечки защищаемой информации от основных и вспомогательных технических средств и систем и оценка соответствия защиты информации требованиям нормативных документов по защите информации (по ГОСТ Р 51583).

средством обработки информации, выполненным в защищенном исполнении, и соответствует требованиям нормативного документа «Сборник норм защиты информации от утечки за счет побочных электромагнитных излучений и наводок (ПЭМИН)» **для объекта ... категории...».**

Таким образом, можно сделать первый вывод: термин «ПЭВМ в защищенном исполнении» означает, что ОВТ дорабатывается на основе технологий снижения уровней информационных излучений пассивными средствами (без применения устройств зашумления). В этом случае размер зоны R2 уменьшается до заданных Заказчиком размеров и применение генераторов шума уже не

требуется. Понятия «ПЭВМ в защищенном исполнении» и «ПЭВМ, прошедшие только специальную проверку и специальные исследования» не тождественны. В первом случае обязательно проводится доработка ОВТ до определенных размеров зоны R2, поэтому полное наименование такого оборудования должно быть следующим – «ПЭВМ в защищенном исполнении с размером зоны R2, не превышающим установленные нормативными правовыми актами расстояния». Во втором случае – проводится только СП и СИ, изменение размеров зоны R2 не происходит.

В качестве устройства зашумления применяют генераторы шума. Наиболее распространенная

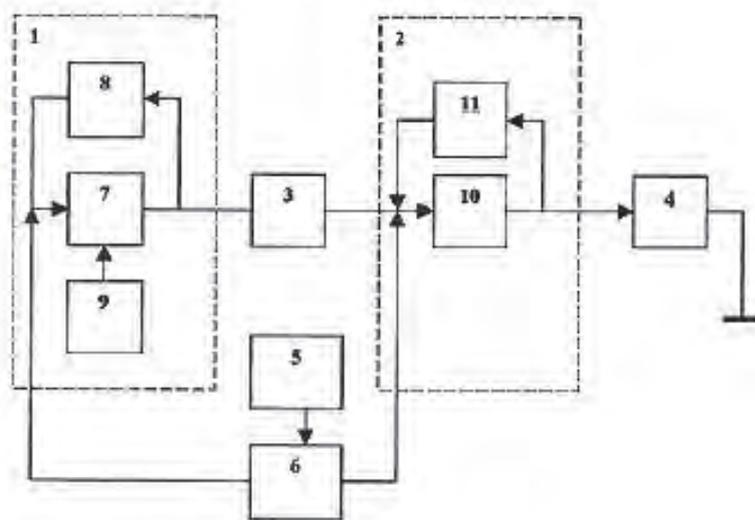

Рис.2. Функциональная схема генератора шума

[3] функциональная схема генератора шума приведена на рис.2.

Устройство содержит генератор шума, который состоит из системы двух связанных генераторов 1, 2, и емкостного элемента связи 3 между ними, излучающей антенны 4, источника низкочастотного шума 5 и разветвителя 6. Генератор 1 содержит нелинейный усилитель 7, линию задержки 8 с запаздыванием T и инерционную цепь автосмещения 9, выход нелинейного усилителя 7 соединен с его входом через линию задержки 8, инерционная цепь автосмещения 9 включена между общим электродом активного элемента нелинейного усилителя 7 генератора 1 и общей шиной.

Генератор 2 содержит нелинейный усилитель 10 и регулируемую линию задержки 11, выход нелинейного усилителя 10 соединен со входом

через регулируемую линию задержки 11. Линия задержки 11 обеспечивает возможность регулировки положения собственных частот этого генератора. Выход генератора 1 соединен со входом генератора 2 с помощью емкостного элемента связи 3. Элементом колебательной системы является излучающая антенна 4 типа «магнитный диполь», один конец которой соединен с выходом генератора 2, другой – с общей шиной.

Источник низкочастотного шума 5 содержит источник шумового напряжения и усилительно-ограничительное устройство. Выход источника низкочастотного шума соединен с разветвителем 6, который содержит один вход и два выхода. Первый выход разветвителя 6 соединен со входом первого генератора, второй выход разветвителя соединен со входом второго генератора.

На рис. 3 приведена упрощенная принципиальная электрическая схема генератора шума, на которой изображены генератор шума, активный антенный контур, источник низкочастотного шума, разветвитель и схему контроля работоспособности. Генератор шума представляет собой систему двух связанных генераторов на транзисторах VT4 и VT5. Первый генератор на транзисторе VT4 содержит цепь запаздывающей обратной связи L1 ($T=5,6$ нс), выполненную в виде микрополосковой линии, и цепь инерционного автосмещения R11, C6. Интервал между собственными частотами этого генератора составляет ~ 180 МГц. Второй генератор выполнен на транзисторе VT5 и содержит регулируемую цепь запаздывающей обратной связи L2, C7, C8 ($T=2,5 \div 3,0$ нс). Интервал между собственными частотами этого генератора может регулироваться при изменении емкости конденсатора C8 в пределах $330 \div 400$ МГц. Связь между генераторами осуществляется с помощью конденсатора C5. В качестве низкочастотного источника шума используется шумовой диод VD1, работающий в режиме лавинного пробоя p-n-перехода и трехкаскадный усилитель-ограни-

читель на транзисторах VT1 – VT3. Источник шума формирует шумовой сигнал в полосе частот от единиц килогерц до 6 МГц. С выхода транзистора VT3 шумовой сигнал поступает на вход разветвителя, который представляет собой микрополосковую линию с отводами, и далее на входы генераторов 1,2. Рамочная антенна WA включена в коллекторную цепь транзистора VT5 таким образом, что через антенну проходит полный ток этого транзистора. Свойства антенны слабо зависят от частоты, что исключает частотную фильтрацию сигнала и обеспечивает формирование широкополосного шумового электромагнитного поля с законом распределения мгновенных значений, близким к нормальному.

Использование разветвителя и одновременного воздействия внешнего низкочастотного сигнала на входные цепи связанных генераторов 1 и 2, а также определенный подбор постоянной времени цепи инерционного автосмещения R11, C6 и времени запаздывания сигналов в цепях обратной связи этих генераторов позволяет расширить частотный диапазон устройства радиомаскировки от 100 кГц до 1800 МГц и увеличить уровень

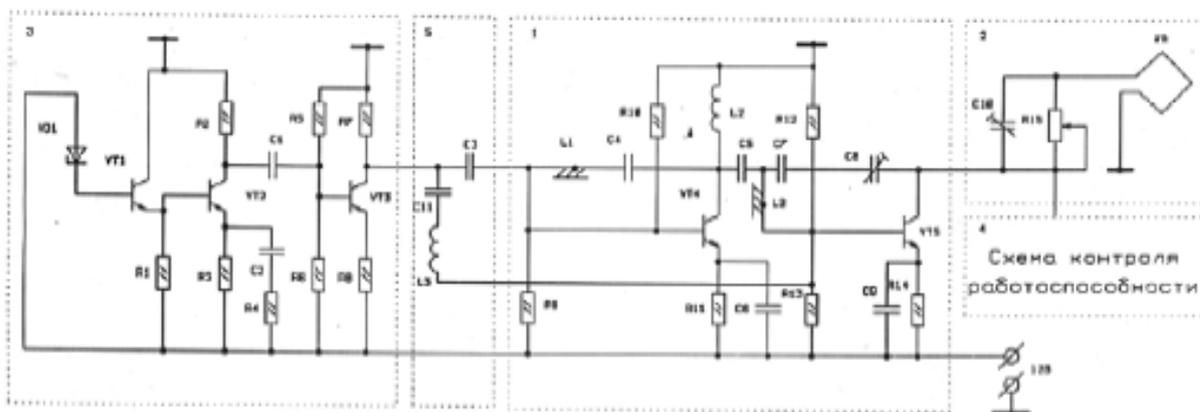

Рис.3. Электрическая схема генератора шума

⁵ «...Обществом с ограниченной ответственностью «Сюртель» и открытым акционерным обществом холдинговой компании «Электрозавод» были изготовлены генераторы радишума SEL SP-21B1 и SEL SP-21B2, рекламируемые производителями как средства активной защиты информации и предлагаемые для свободной продажи со ссылкой на сертификаты соответствия № 227 и № 228, выданные Государственной технической комиссией при Президенте Российской Федерации (Гостехкомиссией России). Технические условия для производства генераторов радишума SEL SP-21B1 и SEL SP-21B2 были согласованы Гостехкомиссией России. ГКРЧ России решений на разработку и серийное производство указанных генераторов не принимала. Изготовление предприятиями «Сюртель» и «Электрозавод» генераторов радишума SEL SP-21B1 и SEL SP-21B2 без решений ГКРЧ России является нарушением требований «Положения о порядке выделения полос (номиналов) радиочастот для разработки (модернизации) и производства в Российской Федерации и ввоза из-за границы в Российскую Федерацию радиоэлектронных средств всех назначений», утвержденного решением ГКРЧ от 14.10.96 (протокол N 40/5), и «Положения о порядке назначения (присвоения) радиочастот в Российской Федерации для радиоэлектронных средств всех назначений», утвержденного решением ГКРЧ от 29.06.98 (протокол N 7/2). Генераторы радишума SEL SP-21B1 и SEL SP-21B2 были конфискованы Управлением государственного надзора за связью в Республике Татарстан на основании решения районного суда г. Казани на выставке «Безопасность. Банк. Офис» (г. Казань, январь 1999 г.)...» См.: Решение Государственной комиссии по радиочастотам при Минсвязи России от 28 февраля 2000 г. «О нарушении предприятиями «Сюртель» и «Электрозавод» порядка изготовления генераторов радишума SEL SP-21B1 и SEL SP-21B2» (протокол N 20/8).

Защита информации от утечки по каналу побочных электромагнитных...

маскирующего сигнала на частотах от 1000 МГц до 1800 МГц⁵.

Измерения электромагнитного поля, излучаемого в окружающее пространство генератором шума показывают, что уровень маскирующего сигнала на 10–20 дБ превышает уровень побочных излучений средств вычислительной техники во всем частотном диапазоне ПЭМИН. Решением Государственной комиссии по радиочастотам при Минин-

формсвязи России от 28 ноября 2005 г. N 05-10-03-001 «О выделении полосы радиочастот 0,1–1000 МГц для генераторов радишума, используемых в качестве средств защиты информации» установлено, что допустимые квазипиковые значения напряженности поля генераторов радишума, используемых в качестве средств защиты информации не должны превышать значений, приведенных в таблице:

Таблица

Полоса частот, МГц	Напряженность поля, дБ мкВ/м
от 0,1 до 0,5 включительно	60
от 0,5 до 2,5 включительно	54
от 2,5 до 140 включительно	46
от 140 до 1000 включительно	32

- для объектов на расстоянии 10 м от границы со всех сторон защищаемого объекта;
- для вновь разрабатываемых средств на расстоянии 10 м от антенн генераторов радишума.

Согласно п. 9 решения Государственной комиссии по радиочастотам при Мининформсвязи России от 28 ноября 2005 г. № 05-10-03-001 «О выделении полосы радиочастот 0,1–1000 МГц для генераторов радишума, используемых в качестве средств защиты информации», данное решение действует **до 01.11.2015⁶**.

В радиоэлектронике в свое время существовала проблема получения большой мощности передатчика при отсутствии элементной базы. Решение проблемы было найдено путем пространственного сложения мощностей путем подключения усилителей мощности передатчиков, работающих на одной частоте (от одного возбуждителя) на различные антенны. Для ослабления связи между передатчиками, точнее между их выходными каскадами через антенны, последние располагали на расстоянии не менее $\frac{3}{4}$ длины волны одна от другой. **Так, например, для КВ-диапазона работа четырех передатчиков мощностью по 1 кВт при расстановке штыревых антенн на 5 метров и соответствующем фазировании эк-**

вивалентна одному передатчику мощностью 16 кВт. На радиопередающих центрах внедрено в эксплуатацию пространственное сложение четырех передатчиков мощностью 250 кВт каждый. В диапазоне сантиметровых волн, где геометрическая длина отдельных элементарных полуволновых вибраторов и расстояние между ними получаются небольшими, а ВЧ генераторы на полупроводниковых приборах при уровне мощности 1–10 Вт имеют малые габариты, удается в небольшом объеме на малой площади установить до 1000 отдельных ВЧ генераторов и антенн. Тем самым колебательная мощность повышается на два-три порядка при высокой надежности. Введение соответствующей фазировки отдельных ВЧ генераторов формируется узкая диаграмма направленности. Такие устройства принято называть фазированными антенными решетками.

Проведенные эксперименты показали, что применение активной формы защиты от ПЭМИН для каждого отдельного рабочего места при увеличении их до определенного количества может привести к сложению мощности генераторов, что в свою очередь создаст проблемы «электромагнитной совместимости» и «электромагнитной безопасности».

Представленные диаграммы (рис. 4–7) наглядно показывают, как изменение количества защи-

⁶ «...В плане работы ГКРЧ на второй квартал 2016 года есть вопрос «О выделении полосы радиочастот 0,01–6000 МГц для генераторов радишума, используемых в качестве средств защиты информации»; ответственный – Федеральная служба охраны...». Глушилка для шпаргалки. Коммерсантъ, 05.02.16. URL: <http://www.kommersant.ru/regions/78>

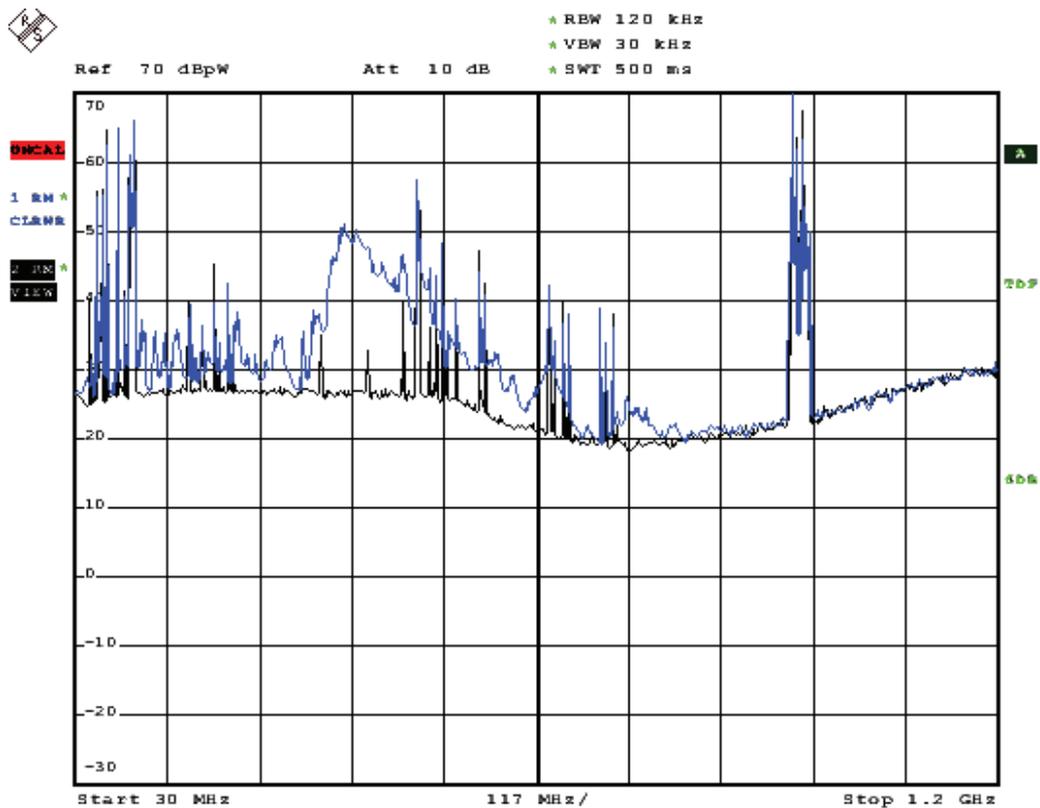

Рис. 4. Относительный уровень маскирующих сигналов на границе контролируемой зоны при работе одного генератора шума

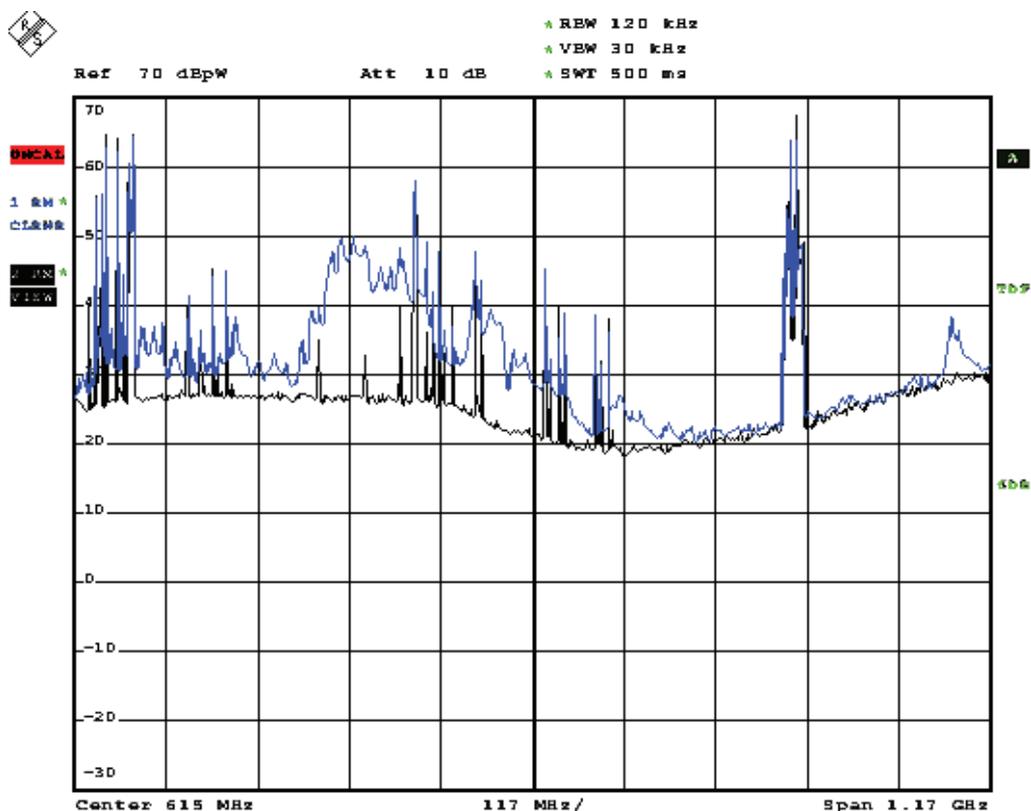

Рис. 5. Относительный уровень маскирующих сигналов на границе контролируемой зоны при работе двух генераторов шума

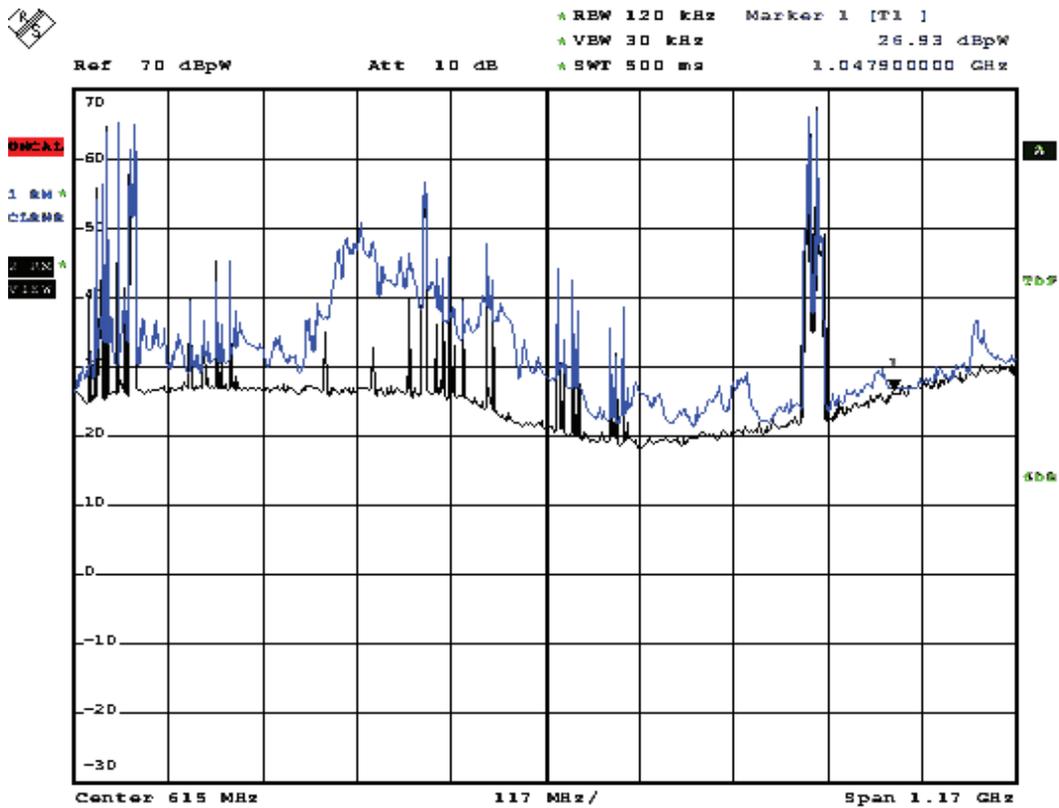

Рис. 6. Относительный уровень маскирующих сигналов на границе контролируемой зоны при работе четырех генераторов шума

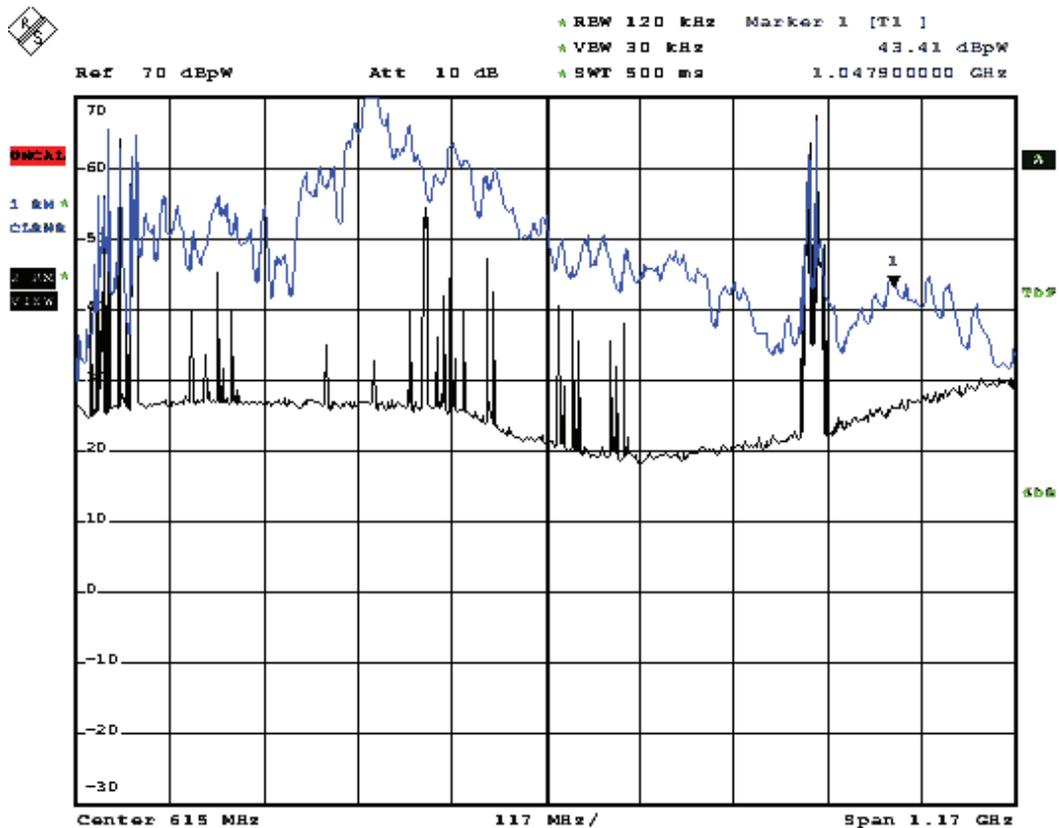

Рис. 7. Относительный уровень маскирующих сигналов на границе контролируемой зоны при работе восьми генераторов шума

щаемых объектов информатизации использующих в своем составе ПВЭМ, выполненные не «в защищенном исполнении» переводит систему, использующую индивидуальные активные методы защиты информации, в источник «активной помехи» не только для получения защищаемой инфор-

мации, но и для любой информации получаемой посредством электромагнитного излучения. Кроме этого, данный фактор действует как «демаскирующий признак» указывающий принадлежность объекта к системе, где обрабатывается информация ограниченного распространения.

Литература

1. Атагимова Э.И., Макаренко Г.И., Федичев А.В. Информационная безопасность. Терминологический словарь в определениях действующего законодательства. М., ФБУ НЦПИ при Минюсте России. 2016. 448 с.
2. Хорев А.А. Технические каналы утечки информации, обрабатываемой техническими средствами // Специальная техника. 2004. № 2.
3. Землянухин П.А., Землянухин А.П., Гаценко А.В. Маскировка информационных излучений радиотехнических устройств // Информационное противодействие угрозам терроризма, Таганрог. 2005. № 3.

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Атагимова Э.И., Потемкина А.Т., Цопанова И. Г.*

Аннотация. В статье анализируются различные подходы к определению оснований криминализации и декриминализации деяний. Авторами последовательно раскрываются причины несоответствия (или недостаточности) социальной обусловленности уголовно-правовых норм. Раскрываются проблемы, связанные с реализацией уголовной ответственности на основании норм, диспозитивные признаки которых являются бланкетными. Приведены конкретные примеры недостаточности обоснованности установления уголовно-правового запрета. Авторы приходят к выводу, что единственным основанием криминализации деяний является наличие общественной опасности, что влечет за собой необходимость введения уголовно-правового запрета, а отсутствие такой опасности влечет декриминализацию деяния. На примере нормы ст. 291.1 УК РФ, в которой было криминализировано такое деяние, как посредничество во взяточничестве, авторы высказывают мнение о недостаточной согласованности вводимого уголовно-правового запрета с уже имеющимися положениями Общей части уголовного права, а также в иных отраслях законодательства и права.

Ключевые слова: закон, законодательство, преступление, наказание, социальная справедливость, уголовно-правовой запрет, норма, уголовная ответственность, состав преступления, криминализация, декриминализация.

В числе многочисленных проблем, стоящих перед современным российским обществом, важной теоретически и значимой практически представляется проблема законодательной регламентации охраны определенных групп общественных отношений, в том числе и такая ее составляющая, как соответствие криминализации и декриминализации требованиям социальной обусловленности, являющейся имманентным признаком правовых норм.

Обозначенный аспект привлекал и постоянно привлекает внимание правоведов, и объясняется такой интерес тем, что в числе многочисленных задач науки уголовного права, как и иных отрас-

лей права, важной составляющей является определение социальной обусловленности действующих уголовно-правовых норм¹.

Необходимо отметить, что государство, осознавая отрицательные стороны наказания, вынужденно идет на его применение. Вопрос в том, всегда ли и во всех ли случаях нарушения правовых норм нужен непременно уголовно-правовой запрет, за которым стоит сила государственного принуждения. И прежде всего это, думается, от-

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / под ред. А.И. Чучаева. Изд-во «Контакт», Инфра-М, 2013. С. 3.

* **Атагимова Эльмира Исамудиновна**, кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отдела ФБУ НЦПИ при Минюсте России, Российская Федерация, г. Москва.

E-mail: atagimova75@mail.ru

Потемкина Анна Трофимовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Российской таможенной академии, Российская Федерация, г. Москва.

E-mail: potemkina.an@yandex.ru

Цопанова Индира Георгиевна, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета и профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Российской таможенной академии, Российская Федерация, г. Москва.

E-mail: iriston.15@mail.ru

носится именно к осознанию необходимости минимизации криминализируемых законодателем деяний [1, с. 50].

В научной литературе весьма убедительно обосновывается точка зрения, в соответствии с которой именно социальная справедливость является своего рода мерилем социально ожидаемых мер уголовно-правового принуждения².

Разделяя приведенное суждение, важно обратить внимание, что еще одним аргументом правомерно признать то, что в отечественном уголовном законодательстве впервые и, безусловно, абсолютно справедливо, наряду с традиционными для этой отрасли законодательства и права цели исправления виновного и превенции сформулирована и такая цель, как восстановление социальной справедливости. Представляется, что есть все основания солидаризироваться с автором одной из работ, специально посвященных социальной обусловленности уголовно-правовых норм, П.С. Тоболкиным в том, что, собственно, важность проблемы социальной обусловленности заключается в таких факторах, которые вызывают потребность самого существования норм уголовного права³ и, без сомнения, должны характеризовать суть уголовно-правового запрета.

Проблема социальной обусловленности правового и в том числе уголовно-правового запрета не нова, и вносимые в уголовное законодательство в настоящее время изменения и дополнения не всегда положительно сказываются в уголовном законодательстве и праве с позиций концептуальных основ этой отрасли как составной части системы российского права и законодательства.

В рассматриваемом аспекте весьма продуктивным является обращение к некоторым документам Конституционного Суда РФ. Так, в Постановлении от 20.04.2006 № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации...»⁴ Конституционный Суд РФ сформулировал свою позицию о том,

² См. например, Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971; Бавсун М.В. Целесообразность в уголовном праве / под ред. А.И.Марцева. Омск: Изд-во Омской академии МВД России, 2004; Жариков Ю.С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации. М., «Юриспруденция», 2009 и др.

³ Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983.

⁴ См. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2006 № 4-П «по делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации... в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других».

что установление уголовно-правовых запретов и наказаний за их нарушение, принятие устраняющих преступность и наказуемость деяний законодательных норм, т. е. процессы криминализации и декриминализации, должны определяться конституционными основами правового государства и соответствовать справедливости (подчеркнуто нами – авт.).

В другом документе Конституционного Суда РФ обращено внимание на такой значимый для правоприменения аспект, как законодательное регулирование, в частности, посредством использования возможностей уголовного закона. Он призван, как подчеркивается в определении от 19.11.2015 № 2659-0, регламентировать отношения, с одной стороны, между осуществляющим уголовное преследование государством, а с другой – гражданами, подвергаемыми в случаях совершения преступления уголовному наказанию в предусматриваемых законом формах и пределах, исходя при этом из целесообразности, справедливости и социальной обусловленности принципа гуманизма⁵.

Не претендуя на окончательность предлагаемых в настоящей статье выводов, авторы все-таки сочли представляющим некоторый интерес приводимые ниже соображения, каковые в совокупности с имеющимися в правовой литературе оценками позволят, исходя из желаемости осуществления перехода количества в новое качество и посредством их учета в безусловно сложном процессе законотворчества, максимально возможно свести к минимуму те далеко не единичные ситуации в законодательстве, о которых идет речь далее.

Несоответствие (или недостаточность) социальной обусловленности уголовно-правовых норм, по нашему мнению, может иметь разную природу. И осмысление причин существования этого позволяет предполагать, что подобное положение обусловлено следующими тремя основными причинами:

- во-первых, недостаточностью обоснованности установления запрета при введении его в ранг закона,

⁵ См. Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2015 № 2659-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ломовой Ирины Олеговны на нарушение ее конституционных прав подпунктом 5 пункта 13 постановления Государственной Думы от 24 апреля 2015 года № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

- во-вторых, недостаточной согласованностью вводимого уголовно-правового запрета с уже имеющимися в законе установлениями, в том числе в иных отраслях законодательства и права,
- в-третьих, не всегда правильным использованием формы изложения уголовно-правового запрета.

Последовательное рассмотрение содержания каждой из названных причин заключается в следующем.

Применительно к недостаточности обоснованности установления уголовно-правового запрета иллюстрацией является то, что на волне начинавшейся активизации борьбы с коррупцией одной из новелл недавнего времени стала введенная Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ в УК РФ норма ст. 291.1, в которой было криминализовано такое деяние, как посредничество во взяточничестве. Практически сразу такая новелла была подвергнута правоведами весьма серьезной критике⁶.

Даже исходя только из наименований публикаций нетрудно сделать вывод об отрицательной оценке криминализации законодателем посредничества во взяточничестве, ставшим самостоятельным *corpus delicti*. Суть критического отношения к рассматриваемой новелле заключается в ее несоответствии положениям Общей части уголовного права, поскольку пособничество (от термина «пособить», т. е. помочь что-то совершить, сделать) по сути представляет собой посредничество, тем более, что фигура пособника (посредника) в преступной группе находится как бы посередине, между дающим взятку и ее получающим – от одного виновного берет что-то для передачи другому виновному, тем самым выполняя второстепенную роль, содействуя одному лицу передать другому что-то, т. е. осуществляет пособнические действия, а другому – получить желаемое. Иными словами, законодатель ФЗ № 97-ФЗ 2011 г. из того, что правоведа не без основания рассматривали как раз-

новидность сложного соучастия (ч.5 ст.33 УК РФ), сформулировал новый самостоятельный состав преступления. Но такой состав преступления ранее содержался в главе 7 УК РСФСР предусматривавшей в числе должностных преступлений норму ст.174¹ «Посредничество во взяточничестве», равно как и в УК РСФСР 1922 и 1926 гг. Причем во всех кодексах в соответствующих диспозициях не раскрывалось его содержание [2, с. 105–106]⁷.

Однако эта норма не была воспринята и действующим УК РФ даже на стадии его разработки – она не содержалась в каких-либо проектах УК РФ. Хотя, дерзнем предположить, за отсутствием концепции уголовной политики [3, с. 155] кому-то, очевидно, пришла в голову идея обратиться к ранее действовавшему УК РСФСР и она, по видимому, была принята «по случаю». Само по себе идея рецепции, т.е. заимствования, является здоровой, но механическое перенесение норм из одного законодательного акта в другой без учета изменившихся социальных условий и переосмысления целесообразности этого – не есть законотворчество.

В этой связи целесообразно обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве»⁸ (утратил силу в связи с принятием Постановления от 9 июля 2013 г. №24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»). В п.8 этого Постановления обращалось внимание судов на то, что ответственность посредника во взяточничестве в зависимости от его роли в даче либо получении взятки наступает в случаях, предусмотренных нормой ст. 33 УК РФ. И такая позиция не вызывала каких-либо недоумений.

Наконец, вряд ли было бы правильным абстрагироваться от признания того, что каждая последующая стадия развития умышленного преступления свидетельствует, как правило, о возрастании общественной опасности деяния, и об этом неопровержимо свидетельствуют положения ст. 66 УК РФ. В этой норме законодатель разграничил степень общественной опасности разных стадий неоконченной преступной деятельности посредством определения, что срок наказания при при-

⁶ См., например: Кузнецова Н.И., Потемкина А.Т. К вопросу о стадиях развития умышленного преступления // Вестник Российской правовой академии. 2011. № 3; Борков В. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения // Уголовное право. 2011. № 4; Гарбатович Д. Посредничество во взяточничестве: преобразованный вид пособничества. // Уголовное право. 2011. № 5; Рапог А.И. Сомнительная коррекция института соучастия // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: Материалы VI Российского конгресса уголовного права (26–27 мая 2011 г.), М., 2011; Ершов С. Пособничество – в Особенной части УК // Законность. 2012. № 11 и др.

⁷ В литературе проанализирована и неоднозначная позиция Верховного Суда СССР по поводу фигуры посредника во взяточничестве: см. [2], с. 105–106.

⁸ Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам / Отв. ред. В.И. Радченко, научн. ред. А.С. Михлин. М. : Юрайт, 2008.

готовлении к преступлению не может превышать половины (ч. 2), а при покушении – трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого наказания, предусматриваемого соответствующей статьей Особенной части УК за оконченное преступление. Применительно к норме ст.291¹ УК РФ эти положения, как представляется, противоречат и принципу справедливости. Аргументами в защиту высказанной оценки содержания рассматриваемой нормы являются следующие.

Обращение к санкции ч.1 ст.291¹ УК РФ, устанавливающей возможное максимальное наказание за посредничество во взяточничестве (по сути – пособничество), т. е. между двумя субъектами совершения иных преступлений дающим взятку (ст.291 УК РФ) и ее получающим (ст.290 УК РФ), позволило установить следующее.

Максимальное наказание за посредничество во взяточничестве составляет 5 лет лишения свободы, тогда как в ч.1 ст.290 УК РФ, регламентирующей ответственность за получение взятки – максимальное наказание существенно ниже – до 3 лет лишения свободы. Соответственно в ч.1 ст.291 УК РФ за дачу взятки (лично или *через посредника*) – максимальное наказание определено еще ниже и составляет уже 2 года лишения свободы.

Отмеченное соотношение таких санкций логике не поддается – как лица, осуществляющие по существу посреднические «услуги» во взяточничестве, могут представлять большую опасность, чем те лица, которые дают и, тем более, берут взятки, при этом всегда в интересах дающего взятку (но не посредника) и действуя вопреки интересам государственной службы или службы в органах местного самоуправления? Да и как максимально возможное наказание за получение и дачу взятки суммарно равно максимально возможному наказанию посредника, роль которого вспомогательная, пособническая между взяткополучателем и взяткодателем. И уже совсем не выдерживает критики соотношение санкций различных частей нормы ст. 291¹ УК РФ.

При том, что предусматриваемое в ч.1 посредничество во взяточничестве влечет максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет, выражающиеся лишь в обещании или предложении посредничества во взяточничестве действия с точки зрения учения о стадиях развития преступной деятельности не наказуемы уголовным законом (ст. 30 УК РФ). Но они могут образовывать возможную, но ненаказуемую стадию умышленного преступления – обнаружения умысла. Но, как следует из анализа диспозитивных признаков

ч.5 ст. 291¹ УК РФ, обещание или предложение посредничества априори наказывается более сурово, чем криминализованное посредничество во взяточничестве (ч.1). Но в отношении обещания или предложении посредничества законодателем предусмотрено наказание в виде лишения свободы более суровое – на срок до 7 (!) лет, что не очень соответствует положениям ст. 67 УК РФ. Очевидно, существующие пределы санкции сопоставляемых деяний несоразмерны по степени общественной опасности, даже безотносительно категорического несогласия с установлением уголовной ответственности в ч.5 ст. 291¹ УК РФ.

В рассмотренной ситуации проявилась не только недостаточная обоснованность установления уголовно-правового запрета, но и недостаточность профессионализма разработчиков нормы ст. 291¹ УК РФ, что в совокупности отрицательно влияет на авторитет уголовного закона, в том числе среди правоприменителей, даже несмотря на наличие в рассматриваемой статье примечания, содержащего поощрительную норму.

Применительно ко второй из названных причин недостаточной согласованности вводимого уголовно-правового запрета с уже имеющимися в законе положениями, в том числе в иных отраслях законодательства и права, представляется целесообразным обратить внимание на следующее.

В целом именно комплексность правового регулирования тех или иных групп охраняемых нормами права общественных интересов обуславливает то, что уголовная ответственность, как самая суровая из существующих мер государственного принуждения, представляет собой, что справедливо утверждает А.И. Бойко⁹, заключительное звено «возможной правовой ответственности». К примеру, отмечает автор, при конструировании в Особенной части уголовного законодательства норм с административной преюдицией (с. 32), равно как и в качестве единственного вида ответственности в отношении деяний, характеризующихся таким признаком, как общественная опасность (ч. 2 ст. 14 УК РФ).

Не менее сложной является реализация уголовной ответственности на основании норм, диспозитивные признаки которых являются бланкетными, каковых в Особенной части УК РФ достаточно много. Специфика таких норм заключается в том, что исчерпывающего описания всей сово-

⁹ Бойко А.И. Административная преюдиция в уголовном праве: за и против // Юрист-Правоведь. 2004. № 3. Ростов н/Д : Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России.

купности признаков состава преступления не содер­жит, что обуславливает необходимость обра­щения к иным законодательным и нормативным актам¹⁰.

Такое обстоятельство само по себе возлагает на законодателя обязанность не только установить такие акты, но и, что не менее важно, убедиться в достаточности их содержания для того, чтобы применить соответствующую уголовно-правовую норму. Главным образом это относится к нормам, регламентирующим ответственность за нарушение каких-либо правил. И анализ некоторых содержащих уголовно-правовой запрет норм показывает, что иногда подобная задача архисложна. В подтверждение отмеченного представляется возможным обратиться к диспозитивным признакам ст. 238 УК РФ, в которую были внесены определенные изменения, заслуживающие отдельного к ним обращения.

По вступлении УК РФ в силу 01.01.1997 г. ст. 238 именовалась «Выпуск или продажа товаров, выполнение работ либо оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности». В ч. 1 предусматривалась ответственность за выпуск или продажу товаров, выполнение работ либо оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, а равно неправомерные выдача или использование официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности при условии, что перечисленные деяния повлекли по неосторожности причинение вреда здоровью человека.

В связи с внесенными Федеральным законом от 09.07.1999 г. № 157-ФЗ изменениями в настоящее время ст. 238 УК РФ называется «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности». В ч. 1 ст. 238 УК РФ, и это важно подчеркнуть, было изъято указание на такие диспозитивные признаки, как *выпуск или продажа товаров*, и был сделан акцент на *производстве, хранении или перевозке в целях сбыта и т. д.*

Анализ внесенных Федеральным законом от 09.07.1999 г. в ст. 238 УК РФ № 157-ФЗ изменений показывает, что диспозитивные признаки расширены, так как до этих изменений признаками ч. 1 являлись *выпуск или продажа* товаров ... не отвечающих требованиям безопасности, т. е. вклю-

чение их в оборот, тогда как теперь диспозитивными признаками является более ранняя стадия – *создание продукта* (производство, хранение), которое не отвечает требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей. Соответственно, нарушение этого требования является преступлением, а выпуск – уже нет.

В результате таких изменений в диспозиции ч. 1 ст. 238 УК РФ было упущено важное обстоятельство, суть которого заключается в следующем. Положениями ст. 129 ГК РФ в отношении оборотоспособности объектов гражданского права установлено, что они свободны в своем обороте, т. е. могут отчуждаться, менять собственника, в том числе и в результате универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица); ограничения оборотоспособности гражданских прав могут вводиться законом или в установленном законом порядке. Примером является Указ Президента РФ от 22 февраля 1992 г. № 179 «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена»¹¹. Следовательно, речь не о полном запрете, а ограничении оборотоспособности.

В силу бланкетного характера рассматриваемой уголовно-правовой нормы необходимо обращаться, следовательно, к некоторым иным сферам регулирования материального права. В данном случае – к Федеральному закону от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании».

При определении в абзаце 1 ст. 1 этого закона сферы его применения определено, что им регулируются отношения, возникающие при разработке, принятии, применении и исполнении обязательных требований к продукции (выделено нами – авт.), утилизации или к продукции и связанным с требованиями к ней процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и в том числе зданиям и сооружениям (далее – продукция), или к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации.

Однако в абзаце 2 говорится о разработке, принятии, применении и исполнении на добровольной основе (выделено нами – авт.) требований к продукции, процессам проектирования (включая

¹⁰ Уголовное право России: учебник / под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 40.

¹¹ URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=29874#0>.

изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, выполнению работ или оказанию услуг, оценке соответствия.

Из содержания понятия безопасности – ст. 2 ФЗ от 27.12.2002 г. № 184-ФЗ – явствует, что она представляет собой безопасность продукции и связанных с ней процессов производства, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации (далее – безопасность), т. е. состояние, при котором отсутствует недопустимый риск, связанный с причинением вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений.

Поэтому сопоставление двух приведенных выше положений приводит к выводу, что в абзаце 1 сформулированы *обязательные* требования, в том числе к выполнению связанных с процессами проектирования и пр. работ и оказанию услуг. В абзаце 2 – также в отношении перечисленных объектов, но требования подлежат выполнению, но не обязательно, а уже *на добровольной основе*. Иными словами, в отношении производства работ и оказания услуг, если это не связано непосредственно с безопасностью выпускаемой продукции, выполнение требований является только добровольным.

Высказанные соображения позволяют утверждать, что практическое применение направленной на регулирование общественных отношений в сфере охраны здоровья населения нормы ст. 238 УК РФ как одной из составляющих общественной безопасности в отношении работ и услуг, непосредственно не связанных с производством продукции и пр., в настоящее время весьма проблематично.

По существу, уголовно-правовые санкции могут применяться только в отношении продукции, но не в отношении работ и оказания услуг как таковых, что явствует из содержания ст. 2 ФЗ от 27.12.2002 г. № 184-ФЗ, поскольку производственные процессы не имеют привязки к продукции.

Авторами предпринята попытка обратиться к ситуации с одной из бланкетных норм, но такое положение не единичное, что не может не вызывать серьезную озабоченность. Так, не очень понятны с точки зрения соответствия требованиям социальной обусловленности изменения в регламентации мошенничества, внесенные Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ. В соответствии с ним, помимо традиционного для уголовного законодательства состава мошенничества, введено

еще шесть специальных составов мошенничества, в том числе ст. 159.4 УК РФ «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности». Совершенно очевидно, что диспозиция этой нормы также бланкетная, и это требует обращения к гражданскому законодательству для уяснения содержания уголовно-правового запрета.

Через два года после введения названной нормы Конституционный суд РФ вынес постановление от 11.12.2014 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа»¹², которым признал положения ст. 159.4 УК РФ соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой, устанавливая специальный состав мошенничества, предполагающий виновное использование для хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием договора, обязательства по которому заведомо не будут исполнены (причем не вследствие обстоятельств, могущих обусловить их неисполнение в силу рискованного характера предпринимательской деятельности), это свидетельствует о наличии у субъекта преступления прямого умысла на совершение мошенничества. Тем не менее, Судья Конституционного Суда Российской Федерации К.В. Арановский высказал частичное несогласие с Постановлением, что следует из его Особого мнения.

Конечно, этот вопрос заслуживает самостоятельного к нему обращения и обстоятельного анализа, выходящего за рамки настоящей статьи, но одновременно подтверждает выводы о необходимости особого подхода к конструированию бланкетных норм с точки зрения обязательного наличия достаточных возможностей в их уяснении посредством обращения к правовым установлениям иных отраслей законодательства.

Применительно к последней из названных выше причин недостаточности учета признака социальной обусловленности уголовно-правовых норм следует обратить внимание на то, что сама по себе она, если и не исключает применение закона, то ее реализация в силу субъективных представлений правоприменителя о принципах конструкции правовых норм, в том числе и уголовно-правовых, дает основания для такого вывода.

¹² URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=134843#0>.

Высказанные соображения позволяют обратить внимание на сформулированные в некоторых нормах УК РФ правовые запреты, с точки зрения соблюдения требований их социальной обусловленности являющиеся, по мнению авторов настоящей статьи, в определенной мере небезупречными. И применительно к той или иной ситуации приводимые аргументы предлагается рассматривать и в качестве повода к обсуждению.

Действующее уголовное законодательство, увы, не свободно от недостаточно продуманных изменений, и своего рода общим местом является ситуация с декриминализацией и криминализацией ответственности за клевету. До 07.12.2011 г. в УК РФ наличествовала ст. 129, предусматривавшая ответственность за клевету, т. е. защиту таких неотчуждаемых прав человека, как честь и достоинство¹³, однако Федеральным законом от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ этот состав, равно как и предусматривавший ответственность за оскорбление, был декриминализован. Следовательно, законодатель сформулировал свою позицию, отказавшись от охраны нормами уголовного закона таких прав человека, как честь и достоинство граждан, от общественно опасных посягательств.

В этом можно усмотреть некоторую логику, поскольку имела место некоторая межотраслевая конкуренция, потому что в главе 8 «Нематериальные блага и их защита» ч. 1 ГК РФ предусмотрена ст. 152 «Защита чести, достоинства и деловой репутации». В соответствии с этой нормой граж-

данин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения о гражданине, или другим аналогичным способом. Таким образом, защита чести и достоинства могла осуществляться и в рамках гражданского судопроизводства. На это обстоятельство было обращено внимание и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»¹⁴.

Однако по истечении нескольких месяцев Федеральным законом от 28.07.2012 г. № 141-ФЗ была введена ст. 1281 УК РФ, вновь предусматривавшая ответственность за клевету, претерпевшая в сравнении со ст. 129 УК РФ существенные изменения. Возникает вопрос без ответа, да и такое отношение к закону никоим образом не способствует его стабильности, уважению к закону.

Думается, закон должен одновременно отвечать двум сложно сочетаемым требованиям: быть стабильным, т. е. запрет действовал вчера, действует сегодня и будет действовать завтра, и в то же время отвечать изменившимся условиям, диктующим потребность законодательных новаций. Несомненно, такая задача является труднодостижимой, но это не отменяет необходимости ее разрешения.

Литература

1. Атагимова Э.И., Потёмкина А.Т., Цопанова И.Г. Современные тенденции в уголовном праве // Мониторинг правоприменения. 2015. № 3.
2. Талан М., Тарханов И. Посредничество во взяточничестве в уголовном праве России // Уголовное право. 2013. № 5.
3. Бабаев М.М. О концепции уголовной политики // Материалы научн.-практ. конференции, посвященной 15-летию юридического факультета МГОУ 19 января. 2008. М., 2009

¹³ Анализ содержания ст.129 УК РФ см.: Развитие уголовного законодательства Российской Федерации: Учебн.-практ. пособие / отв. ред. В.П.Кашепов. М. : Юристъ, 2007. С. 350–351.

¹⁴ Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам / отв. ред. В.И.Радченко, научн. ред. А.С.Михлин. М.: Юрайт, 2008. С. 230–243.

СЕМЕЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ – ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ростова О.С.*

Аннотация. В настоящей статье автором исследовано приоритетное направление реализации государственно-правовой политики Российской Федерации по повышению ценностей семейного воспитания несовершеннолетних, популяризации семейного образа жизни, повышению института ответственного родительства. Обосновывается принцип семейного воспитания детей, как приоритетное направление государственной семейной политики. Автором исследованы основные направления реализации различных форм социально-экономической поддержки семей, имеющих детей, многодетных семей, созданию благоприятных условий для роста рождаемости, охраны материнства и детства, укрепления института российской семьи. Семья рассмотрена как приоритетная форма воспитания и устройства детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Ключевые слова: интересы ребенка, дети-сироты, семейные ценности, материнство, отцовство, родительство, воспитание несовершеннолетних, государственная семейная политика, социально-экономическая поддержка семьи с детьми.

Семья является важнейшим институтом становления личности, ребенка, формирования его неповторимых, персональных качеств. К сожалению, не каждый ребенок имеет возможность воспитываться в родной семье, общаться со своими кровными родителями, реализовать свои права на семейное воспитание. Поэтому возникает значительный комплекс проблем, решение которых в той или иной мере возможно при решающей роли государства, соответствующей государственной политике в сфере семейных отношений.

Важным принципом национальной государственной семейной политики является принцип приоритета семейного воспитания детей, который вытекает из общепризнанных международных принципов и приоритетов необходимости защиты семьи со стороны общества и государства¹. Конвенция о правах ребенка 1989 г. определяет

семью как «основную ячейку общества и естественную среду для роста и благополучия всех ее членов и особенно детей, которой должны быть предоставлены необходимые защита и содействие» (со стороны общества и государства), с тем чтобы «она могла полностью возложить на себя обязанности в рамках общества, а ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания»².

Руководствуясь международными принципами, Российская Федерация возводит государственную гарантию поддержки семьи, детства и института родительства в ранг основных национальных приоритетов и конституционных ценностей. Создание благоприятных условий для роста рождаемости, охраны материнства и детства,

¹ «Всеобщая декларация прав человека», принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г. // Российская газета, № 67, 05.04.1995.

² «Конвенция о правах ребенка», одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, ратифицирована Постановлением ВС СССР от 13.06.1990 № 1559-1, вступила в силу для СССР 15.09.1990 // Сборник международных договоров СССР, выпуск XLVI, 1993.

* **Ростова Ольга Сергеевна**, кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательской лаборатории юридической техники и экспертизы нормативных правовых актов и иных документов федерального бюджетного учреждения «Научный центр правовой информации Министерства юстиции Российской Федерации», Российская Федерация, г. Москва.

E-mail: rostova21@yandex.ru

укрепления института семьи, повышение значимости ответственного жизнеобеспечения несовершеннолетних являются приоритетными общегосударственными задачами. Конституцией РФ³ гарантированы поддержка семьи, материнства, отцовства и детства (ч. 2 ст. 7), а также защита материнства и детства (ч. 1 ст. 38).

Следует принять во внимание, что на протяжении последнего столетия институт семьи в контексте изменений общественной жизни претерпел значительные перемены. «Поступательное развитие общества, переход от одной исторической эпохи к другой связывают главным образом с эволюцией отношений между мужчиной и женщиной» [1, с. 5]. Если в досоветский период российской государственности женщина в основном уделяла внимание ведению домашнего хозяйства, рождению и воспитанию детей, то уже в первые годы советской власти роль женщины в обществе была пересмотрена, женщина была наделена равными с мужчиной трудовыми, политическими, семейными правами, на смену женщине-матери приходит женщина-строитель, женщина-политический деятель и т. д.⁴ Семейные ценности и роль женщины-матери стали рассматриваться государством через призму «всеобщего вовлечения женщин в советское строительство и общественное производство», идеология «определила направленность социальных идей, которые должны были изменить традиционные представления о материнстве и подчинить их главной задаче – служению государству» [2, с. 90–91]. Данный подход к роли женщины в семье и в обществе в целом был пересмотрен и изменен в последующие годы в силу влияния идеологии [3, с. 69]. Процесс укрепления советской семьи становится важным направлением государственной идеологии начиная с середины 1940-х годов⁵. Семья рассматривалась как незыблемая основная ячейка советского общества; условия для рождения и воспитания здо-

рового молодого поколения создавались не только и не столько для развития индивида, сколько во благо общественных интересов.

Девальвация брачно-семейных отношений, института семьи как основы для рождения и воспитания детей начала проявляться в последнее десятилетие прошлого столетия, когда в условиях нарастания кризисных процессов в обществе произошла переоценка системы ценностей и государственных приоритетов на постсоветском пространстве. Многие молодые семьи 1990-х годов не торопились становиться родителями, произошло резкое падение рождаемости. Модель молодой семьи представляла собой институт «внебрачного сожительства» или «супружества», не связанного с институтом «родительства». Приоритетами для молодых пар становились такие цели как самоопределение и самореализация в обществе путем развития собственного бизнеса, получение достойного образования, продвижение по карьерной лестнице, улучшение жилищных условий и материального благополучия, а не создание полноценной семьи и рождение (воспитание) детей. Таким образом, социально-экономические сложности переходного периода 1990-х годов, высокий уровень безработицы, низкий уровень доходов населения явились не только причиной отказа многих семей от различных форм приема в свои семьи неродных детей, но и от рождения собственных, что привело к резкому снижению рождаемости в данный период.

Необходимость принятия срочных мер, направленных на популяризацию семейных ценностей, рождение и воспитание детей и, как следствие, повышение рождаемости в стране, стала очевидной. Именно поэтому основные направления государственной семейной политики были разработаны исходя из признания ценности семьи «для жизни и развития человека; понимания важности семьи в жизни общества, ее роли в воспитании новых поколений, обеспечении общественной стабильности и прогресса; признания необходимости учета интересов семьи и детей, а также принятия специальных мер их социальной поддержки в период социально-экономической трансформации общества»⁶. Поставленная задача – создание каждому ребенку благоприятной комфортной среды существования – решается путем

³ Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ; от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ; от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ; от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁴ Ростова О.С. Правовая охрана материнства и детства в Советском государстве: автореф. канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 12.

⁵ Нижник Н.С., Биктасов О.К. Законодательные основания государственной политики в сфере брачно-семейных отношений в период Великой отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2. С. 89–95.

⁶ Указ Президента РФ от 14.05.1996 г. № 712 «Об основных направлениях государственной семейной политики» (ред. 05.10.2002 г.) // Собрание законодательства РФ, 20.05.1996, № 21, ст. 2460.

принятия различных государственных программ, призванных реализовать приоритетные направления государственной семейной политики, которая выражена, прежде всего, в разработке и реализации различных социально-правовых и материально-финансовых мер по поддержке семей, воспитывающих детей.

В целях создания правовых и социально-экономических условий для реализации конституционных прав и законных интересов ребенка федеральное законодательство определило концептуальные основы, стратегические направления, формы и объемы государственной поддержки семей, имеющих детей⁷, а также формы жизнеобеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей⁸. Обеспечена правовая регламентация основных понятий и компонентов деятельности, оказывающих непосредственное воздействие на сокращение социального неблагополучия семей с детьми и профилактику социального сиротства, а также поддержку детей-сирот и выпускников учреждений для детей-сирот⁹. Обозначенные меры социальной поддержки нашли отражение в законодательстве и программных документах субъектов РФ.

В последующие годы были приняты дополнительные меры поддержки материнства и детства, семей, имеющих детей, в том числе путем поощрения самого факта рождения (усыновления) второго (и последующего) ребенка. Программными документами, рассчитанными на длительный период реализации, была закреплена целевая поддержка семей, воспитывающих детей путем создания благоприятных условий для рождения (усыновления) и обеспечения, прежде всего, самих детей¹⁰. Ос-

новные задачи по изменению демографической ситуации в стране, повышению уровня рождаемости, сокращению уровня смертности населения, сохранению и укреплению репродуктивного здоровья нации, укреплению института семьи были решены в общегосударственном масштабе за счет реализации программы «материнского (семейного) капитала» (на федеральном уровне, и на уровне субъектов РФ за счет средств соответствующих бюджетов)¹¹. По данным Пенсионного фонда РФ, на начало 2016 г. сертификаты получили уже около 6,5 млн. российских семей¹².

Таким образом, улучшение качества жизни и благосостояния семей, имеющих детей, являются «приоритетными направлениями национальной семейной политики»¹³, которая определяет механизмы и инструменты обеспечения государством необходимых условий для реализации семьей её функций. Большое внимание на государственном уровне уделяется различным формам поддержки многодетных семей. Совершенно справедливо мнение А.М. Нечаевой, что многодетная семья «относится к российским традициям» [4, с. 59]. Закрепленные в Конституции РФ обязанности государства заботиться о благополучии института семьи, его социально-экономической защищенности, обеспечивая поддержку и стабильное развитие всех членов, получили дальнейшее закрепление в нормах отраслевого законодательства.

Защита прав детей-сирот, детей, которые в силу различных обстоятельств лишены родительского попечения и заботы, представляет собой важное направление реализации государственно-правовой политики Российской Федерации. Принимаемые меры направлены на обеспечение приоритета семейных форм устройства детей-сирот и детей, которые по разным причинам лишены родительской заботы, улучшение положения этой категории детей, увеличение правовых, социальных и материальных гарантий их жизнеобеспечения и воспи-

⁷ Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ (ред. 03.07.2016 г.) «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21, ст. 1929; Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (ред. 28.11.2015 г.) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Российская газета, № 147, 05.08.1998.

⁸ Федеральный закон от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Российская газета, № 248, 27.12.1996.

⁹ Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 30.12.2013, № 52 (часть I), ст. 7007.

¹⁰ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утв. Указом Президента РФ № 1351 от 09.10.2007 г. // СЗ РФ, 2007, № 42 ст. 5009; Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2012 г., № 19, ст. 2343; Указ Прези-

дента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы» // Собрание законодательства РФ, 04.06.2012, № 23, ст. 2994.

¹¹ Программа введена в соответствие с Федеральным законом от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (ред. от 14.12.2015) // Собрание законодательства РФ, 2007, № 1 (1 ч.), ст. 19.

¹² Продление программы до конца 2018 г., позволит увеличить количество участников до 8 млн. семей. URL: <http://pro-materinskiy-kapital.ru/v-2018-godu> (дата обращения - 19.09.2016 г.).

¹³ Рыбаков О.Ю. Правовая политика: понятие и приоритеты // Актуальные проблемы правоведения. 2004. № 1. С. 103.

тания. Государственная семейная политика, представляющая собой систему принципов, задач и приоритетов, направлена на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества¹⁴. Семейный кодекс, регламентируя формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, отдает приоритет семейному воспитанию (усыновление, опека и попечительство, приемная семья, патронатная семья (ст. 123)¹⁵.

В современных условиях отмечается положительная динамика по устройству детей-сирот в семьи. По данным Министерства образования и науки РФ, количество детей-сирот, которые вновь обрели семьи, в соотношении к общему количеству детей сирот увеличилось с 71,1 % в 2009 г. до 85,1 % в 2015 г.¹⁶. Одновременно возросло количество кандидатов в усыновители и приемные родители, состоящие на учете в органах опеки и попечительства (с 12 991 чел. в 2011 г. до 30 875 чел. в 2015 г.)¹⁷. Вместе с тем, несмотря на приведенные статистические данные, проблема различных форм устройства детей-сирот на воспитание в семьи с целью создания наиболее благоприятной социальной среды относится к числу острых проблем, требующих своего решения в отношении каждого ребенка.

Обострившаяся в начале 1990-х годов проблема снижения популярности семейных ценностей привела, в том числе, к ослаблению родительских функций по надлежащему содержанию и воспитанию детей, недопустимому поведению членов семьи, выражающееся в противоправных и безнравственных поступках по отношению к ребенку. Именно в семье проявляются изощренные формы жестокости и насилия к ним. Это оскорбления, унижения, побои, грубое принуждение к противоправному поведению. Семья, разрушенная возникающими в ней постоянными конфликтами и жестокостью, перестает выполнять функции центра воспитания и защиты ребенка¹⁸. Судебной практи-

ке известны многочисленные случаи, когда дети, воспитывающиеся в неблагополучных семьях (постоянное пьянство, дети не обеспечены самым необходимым: питанием, одеждой и т. д., нецензурная брань как способ общения родителей со своими детьми и т. п.), при достижении ими 12–14 лет начинают заниматься бродяжничеством, воровством и т. д.¹⁹. Как правильно отмечает Э.И. Челябинова, насилие, проникая в жизнь семьи, не может не оказывать пагубного воздействия: разрушается нравственность, происходит ослабление понятия «гуманизм в семейном воспитании», как следствие, порождается детская безнадзорность и беспризорность²⁰. Все это привело к росту социального сиротства несовершеннолетних. Институт семьи столкнулся с вызовами безответственного родительства, жестокого обращения с детьми, в том числе приемными, фактами отказов от новорожденных в роддомах.

Прошедшие десятилетия характеризуются усилением внимания государства и общества к проблемам семейного неблагополучия, домашнего насилия, жестокого обращения с детьми, увеличением практики лишения родительских прав и социального сиротства. Проблемы безответственного родительства, роста социального сиротства приобрели общегосударственный масштаб, поэтому государственная политика в интересах детей становится приоритетной областью деятельности органов государственной власти Российской Федерации. «Современное российское общество и государство, проделав определенный путь в постсоветском пространстве, решив проблемы переходного периода, стоят перед реализацией задач принципиального характера, в частности дальнейшего цивилизационного развития России» [5, с. 12]. В современных условиях усиления внешнеэкономических вызовов и угроз основной задачей общества и государства видится не только повышение уровня и качества жизни населения, стабилизация общественных отношений путем обеспечения интересов наименее защищенных категорий населения, к которым относятся семьи, имеющие детей, но и повышение морального облика российской семьи. Стоит отметить, что в Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом

¹⁴ Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утверждена Распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р // Собрание законодательства РФ, 01.09.2014, № 35, ст. 4811.

¹⁵ «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 16.

¹⁶ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood

¹⁷ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood

¹⁸ Челябинова Э.И. Уголовно-правовой и криминологический анализ неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: дис.... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006 г. С. 97–99.

¹⁹ Челябинова Э.И. Уголовно-правовой и криминологический анализ неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: автореф. дис. канд. юрид. наук. Дагестанский государственный университет. Махачкала, 2006 г. С. 12.

²⁰ Там же, с. 16.

РФ 4 мая 2011 г.) из 10 перечисленных факторов, влияющих на формирование правовой культуры и позитивного типа правосознания, первостепенное значение уделяется именно укреплению воспитательных возможностей семьи и моральному климату в семье. Это говорит о том, что в отличие от других воспитательных институтов семья способна воздействовать на все стороны грани человека на протяжении всей его жизни [6, с. 161].

Основные механизмы обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, безопасным и комфортным семейным окружением, а также профилактики индивидуализированной помощи детям и семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации, закреплены в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы²¹. Особое внимание в данном программном документе уделено межведомственному взаимодействию государственных органов по предотвращению социального сиротства, семейного неблагополучия, различных форм насилия в отношении детей, мерам, направленных на обеспечение безопасного и комфортного семейного окружения для приемного ребенка. Цель государственной семейной политики состоит в поддержке, укреплении и защите ценностей семейной жизни, создания необходимых условий для выполнения семьей ее функций, повышения качества жизни семей и обеспечения прав членов семьи в процессе ее общественного развития. Одним из принципов семейной политики является «установление ответственности каждой семьи за воспитание, образование личности ребенка (детей), за сохранение его здоровья»²². Семья в данном контексте рассматривается как наиболее устойчивое социальное образование, благоприятная среда для воспитания и социализации ребенка.

Выбор приемной семьи должен осуществляться не только исходя из социально-бытовых условий проживания и жизнедеятельности, которые могут быть обеспечены ребенку. Ст. 123 Семейного кодекса РФ устанавливает важное требование, которое необходимо учитывать при устройстве ребенка в семью, а именно: его этническое происхождение, принадлежность к определенной

религии и культуре, родной язык, возможность обеспечения преемственности в его воспитании и образовании, а также полноценного физического, психического, духовного и нравственного развития. Справедливо мнение, что дети, усыновленные родителями другой расы, культуры и этнического фонда, вынуждены пройти сложный период адаптации; происходит своего рода перестройка детского сознания, что влечет дополнительную нагрузку на ребенка, и так уже находящегося в сложной жизненной ситуации²³. Большое значение, таким образом, следует уделять морально-нравственным ценностям новой (приемной) семьи, с учетом индивидуальных (личностных, возрастных, психических, физических, национальных и иных) особенностей ребенка.

Реализация права ребенка жить и воспитываться в семье предполагает не только добросовестное выполнение родительских обязанностей по жизнеобеспечению ребенка всем необходимым (создания условий для проживания, обучения, медицинского обслуживания и т. д.), но и наличие у родителей (опекунов, воспитателей) комплекса моральных качеств и нравственных ценностей, специальных знаний и умений, необходимых для реализации принятых на себя обязательств.

В последнее время поддержке детей, оставшихся без попечения родителей, уделяется самое пристальное внимание как органами власти и учреждениями социального профиля, так и гражданским обществом. На государственном уровне осуществляется поддержка организаций и общественных объединений, деятельность которых направлена на защиту прав и законных интересов ребенка, сохранение и популяризацию семейных ценностей, воспитание несовершеннолетних, формирование института ответственного родительства, создание условий для развития личности ребенка, его духовного и нравственного формирования. Основные задачи в данном направлении сосредоточены на повышении морально-нравственного облика российской семьи, усилении ее значимости для воспитания детей, повышения ценности семейного образа жизни в обществе, популяризацию многодетных семей, в том числе воспитывающих неродных детей. Уважение прав ребенка, с учетом его физической и психической незрелости, наряду с обеспечением ему благополучных условий жизнедеятельности

²¹ Утверждена Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // Собрание законодательства РФ, 04.06.2012, № 23, ст. 2994.

²² Рыбаков О.Ю., Ситкова О.Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения. Саратов, 2009. С. 57.

²³ Рыбаков О.Ю., Ситкова О.Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения. Саратов, 2009. С. 83–84.

Семейное воспитание несовершеннолетних – приоритетное направление...

– основная задача родителей (опекунов, воспитателей). Формы и способы семейного воспитания должны исключать жестокое, грубое обращение, различные формы оскорбления, унижения и эксплуатации детей.

Решение приоритетных задач государственной семейной политики в сфере воспитания несовершеннолетних, в том числе детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по обеспечению права каждого ребенка на семейное воспитание и создания ребенку наиболее благоприятных условий для жизни и развития предполагает:

- совершенствование мер государственной социально-экономической поддержки семей по стабилизации материального положения семей, имеющих детей, особенно принявших ребенка (детей) на воспитание;
- разработку и внедрение просветительских программ с целью популяризации семейных ценностей, формирования института ответственного родительства, развития семейных духовно-нравственных традиций, направленных на укрепление российских семей, сохранение и поддержание преемственности между поколениями в семье;
- профилактику семейного неблагополучия и социального сиротства детей, включая профилактику жестокого обращения с детьми, восстановление благоприятной для воспитания ребенка семейной среды, семейное

устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;

- усиление контроля за содержанием и воспитанием детей в приемных семьях с целью предупреждения нарушений прав ребенка и любых форм насилия в отношении детей;
- обеспечение семей, взявших на себя ответственность по воспитанию приемного ребенка (детей), консультативной, психолого-педагогической и правовой помощью со стороны специалистов органов государственной власти, государственных и общественных организаций, центров поддержки семей;
- предоставление благоприятных условий труда членам приемной (патронатной) семьи, усыновителям, воспитывающим детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с целью сочетания трудовой деятельности с семейными обязанностями.

Обозначенные приоритеты государственно-правовой семейной политики Российской Федерации в воспитании несовершеннолетних призваны обеспечить достижение международных стандартов в области жизнеобеспечения ребенка, формирование единого подхода органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и граждан к определению целей, задач, направлений деятельности и первоочередных мер по поддержке российских семей.

Литература

1. Нечаева А.М. Ребенок и общество // Социально-юридическая тетрадь. 2012. № 2. С. 5–26.
2. Коваленко С.В., Сазонова Л.А., Соколюк Н.В. Материнство и власть в контексте советской тоталитарной идеологии // Общество: философия, история, культура. 2011. № 1–2. С. 89–95.
3. Ростова О.С. Периодизация семейно-правовой политики Советского государства // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 6 (82). С. 68–72.
4. Нечаева А.М. Защита интересов ребенка в многодетной семье // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 6. С. 59–67;
5. Рыбаков О.Ю. Ценностные измерения российской правовой политики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. Дополнительный выпуск (85). С. 11–17.
6. Атагимова Э.И. Семья как основной институт влияния на формирование нравственности и позитивного правосознания у подрастающего поколения // Актуальные проблемы строительства правового государства в Азербайджане: философский, социологический и правовой анализ и прогнозирование // Материалы II Международной научной конференции (Баку, 23–24 октября 2014 года). С. 161.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ЛИЧНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ

Гусева А.С.*

Аннотация. В статье рассматривается ключевое понятие кибербезопасности – конфиденциальность, и способы ее обеспечения. Затронут личностный аспект обеспечения информационной безопасности и возможных рисков и угроз для рядового пользователя интернет-сети. Поставлена проблема сохранности личных данных пользователей интернет-блогов и на примере конкретного сайта показаны способы решения данной проблемы. Сделан анализ личной информации и ее доступности посторонним. Рассмотрены способы номинации пользователей сети, выделены логин и ник как основные из них. Сделан анализ ников с позиций соответствия их антропонимической формуле. Выделены основные критерии их классификации. Сделан вывод о необходимости систематического и комплексного решения проблемы защищенности личных данных пользователей.

Ключевые слова: кибербезопасность, интернет-коммуникация, ник, логин, антропонимическая формула, персональные данные.

Введение

На данный момент интернет-технологии тесно связаны с любой человеческой деятельностью. Информационное пространство оказывает сильное, порою не контролируемое, воздействие на все сферы индивидуального и общественного сознания. В связи со стремительным развитием интернет-коммуникации понятие кибербезопасности становится актуальным на различных уровнях, среди которых следует выделить:

- 1) международный уровень;
- 2) государственный уровень;
- 3) уровень отдельного предприятия, организации;
- 4) уровень автоматических систем управления технологическим процессом (АСУ ТП);
- 5) индивидуальный, или личностный уровень.

Проблемы кибербезопасности на международном и государственном уровнях рассмотрены в работах [1–3]. Особое внимание уделяется анализу состояния и перспектив развития индустрии информационной безопасности [4, 5]. Несмотря на глобальность проблемы интернет-безопасности, мы хотели бы сосредоточить свое внимание именно на последнем уровне и рассмотреть проблему сохранности информации пользователей сети.

Личностный аспект интернет-безопасности

Следует отметить, что человек как важный участник интернет-коммуникации, выступает, с одной стороны, субъектом (т. е. активным началом, создателем информационных команд, сообщений, блогов), а с другой стороны, объектом, на который направлены потоки информации. Согласно проекту Концепции стратегии кибербезопасности Российской Федерации, мы понимаем информационную безопасность как «состояние защищенности личности, организации и государства и их интересов от угроз, деструктивных и иных негативных воздействий в информационном пространстве» [6]. Функционирование коммуникационных каналов и сетей осуществляется «посредством использования человеческой активности» [6]. Как показывают неоднократные социологические исследования относительно рисков интернет-коммуникации (Е.В. Бродовская, В.Д. Нечаев, А.В. Синяков, И.С. Иванов и др.) [7, 8], около 40% опрошенных пользователей-россиян считают ненадежным интернет-пространство как угрожающее личным интересам и правам. Согласно результатам проекта «Russia in the World Internet Project 2012», число пользователей, не доверяющих интернет-пространству, составляет 39,4% [8], согласно результатам анкетирования Е.В. Бродовской в 2013 году – 39,8% [7]. Вирусные атаки, ссылки на порно-

* Гусева Алина Сергеевна, Донецкий национальный университет, Донецк, Украина
E-mail: alyna201073@gmail.com

графические сайты, всплывающие окна с предложениями забрать свой выигрыш, спам, оскорбительные или непристойные письма, сексуальные домогательства – это те негативные моменты, с которыми сталкиваются пользователи сети. С увеличением числа пользователей виртуального пространства становятся разнообразнее различные угрозы и риски кибербезопасности. И проблема состоит не только в том, что интернет превращается в средство массовой информации, на котором многие пытаются заработать, порою нечестными методами. Ключевой вопрос в соблюдении конфиденциальности информации пользователей сети. Технически должны срабатывать механизмы защиты конфиденциальной информации. Ведь именно конфиденциальность – одно из ключевых свойств кибербезопасности. Но в действительности с ростом популярности и массовой доступности интернет-пространства все большее число пользователей признает факт незащищенности личной информации, о чем свидетельствуют исследования как международного, так и государственного масштаба.

Доступ к личным данным пользователя

Среднестатистическому россиянину известно, что аккаунт в социальной сети легко взломать, соответственно, персональные данные становятся доступны посторонним – это угроза конфиденциальности извне. Также, согласно эмпирическим данным опросов, большинство пользователей осведомлены о контроле над интернет-пространством со стороны правительственных структур и организаций. Более трети опрошенных респон-

дентов считает, что любая активность фиксируется и ни одно действие на сайте не останется незамеченным [7, с. 113–114]. Парадокс: наряду с обеспокоенностью из-за столкновений с рисками и угрозами конфиденциальности в интернет-пространстве, пользователи социальных сетей зачастую сами выставляют важную информацию на всеобщее обозрение, не задумываясь о том, что она может быть использована против них. Так, выложив семейные фото на фоне моря, мы даем понять, что квартира пуста. А рассказывая о суммах, потраченных на покупки, мы тем самым указываем на свое материальное благополучие.

Очень многие платформы в интернете (<https://my.mail.ru>, <https://proactions.ru>, <https://www.babyblog.ru>) построены на принципе доступа к личной информации др. участников блога или форума только после прохождения процедуры регистрации на сайте. Иногда такая процедура требует подтверждения контактных данных (электронный адрес, телефон), иногда за прием в сообщество новых членов отвечает администратор, который лично рассматривает кандидатуру. Но и это не может обезопасить участников интернет-коммуникации от спама, рекламы и вредоносных вирусных атак. Взломав чужой аккаунт, можно, пользуясь положительной репутацией и высоким рейтингом участника, совершать от его лица различные действия, например: проводить нечестные сделки. На анализируемом нами сайте <https://proactions.ru> зарегистрированный пользователь может открыть профиль другого участника и узнать его пол, возраст, город, семейное положение, телефон и номера электронных кошельков (рис. 1).

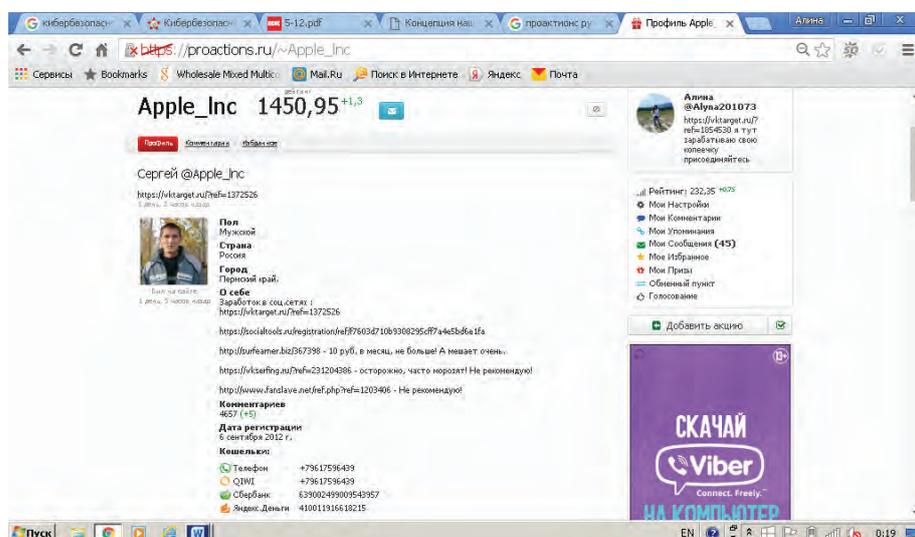

Рис. 1. Личные данные пользователя, доступные другим участникам блога

В условиях осознания незащищенности интернет-коммуникации сам пользователь решает, насколько откровенным ему быть с др. участниками коммуникационного процесса. Это отчетливо прослеживается на выборе ников, логинов и аватар.

Способы номинации пользователей. Классификация ников

Человек может выступать в информационно-коммуникативной среде как пользователь, как посредник либо как создатель. Выступая участником виртуальной коммуникации, каждый человек называет себя, выбирает для себя имя. Как правило, это имя отражает определенные характеристики человека: реальные или воображаемые, мнимые. Таким образом, человек сам решает оставаться ему инкогнито или нет, и в какой степени раскрывать свои личные данные. Для номинации лица в условиях электронной переписки используется логин. В чатах и блогах пользуются никами. При систематическом анализе таких единиц как ник и логин, мы используем понятия «логиноним» и «никоним» (названия согласованы в устной беседе с проф. Е.С. Отиным). Логиноним и никоним – это языковые ономастические единицы, служащие для номинации пользователей в интернет-коммуникации. На основе анализа эмпирической базы ников конкретного блога (платформа <https://proactions.ru/>) нами был выработан системный подход к классификации никонимов, включающий определение таких параметров, как:

- степень мотивированности никонима: мотивированный или немотивированный;
- степени ситуативности каждого из них: ситуативный или не ситуативный;
- гендерной принадлежности: мужской или женской принадлежности или неопределенной;
- соответствия антропонимической формуле (фамилия, имя, отчество, их комбинации и трансформации).

Перечисленные нами параметры помогли определить степень соотношения и соответствия ника с персональными данными пользователя. Ник выступает не только способом идентификации человека в виртуальном пространстве. Это второе «лицо» пользователя. Часто ник указывает на возраст человека (*taras021, vitalja1987, anutko22*), его пол (*Виталий, Ирина, Елена, Marianna, Карл Скр*) или национальность (*Русскija, Азиаточка*), а также может указывать на род занятий (*musicman62, ХУДОЖНИК*) или предпочтения чело-

века (*Курилка, Re@der*). По мнению Н.А. Ахреновой, имя, которое используется в блогах и чатах, совпадает с понятием «прозвище» [9]. Однако мы считаем, что эти антропонимы не следует отождествлять. Ник – это «неофициальное экспрессивно-образное или эмоционально-оценочное имя, используемое дополнительно с антропонимом или вместо него; при этом у одного референта может быть несколько прозвищ» [10, с. 87]. Виртуальные «прозвища» отличаются от прозвищ в реальной жизни, так как пользователь сам придумывает себе имя в зависимости от профессиональной деятельности, эмоционального состояния, конкретной жизненной ситуации и проч.

Особенности женских и мужских никонимов заключаются в следующем: женщины предпочитают уменьшительно-ласкательные формы имени (*НинУшка, Ягуся*), имена, которые подчеркивают красивую внешность, сексуальность и т.д. (*Мила, Рассветная, Milady, Ангел, AprilLove*). мужские имена, как правило, выражают чувство превосходства над окружающими, преимущества над ними (*Rabynovich, votre reve*), грубость (*Эгоист, Дурак Нищий*) или же, наоборот, романтичность (*prince*).

Никонимы, соотносимые с антропонимами, как правило, представляют собой трансформированные имена пользователей (*Ларунчик, Ириска*). На базе никонимов, представленных в блогах сайта <https://proactions.ru/>, мы выделили такие антропонимические формулы: имя (*Valentina, La-roch-ka, victor*), фамилия (*Lihacheva*), отчество (*Алексаыч*), усеченное имя (*Valenta*), имя + фамилия (*Сергей Кухтин*), имя + отчество (*Алиса Петровна*), фамилия + инициалы (*PetrenkoPS*), инициалы (*e n g, olx*), имя + усеченное фамилия (*egorka-klim*).

Посредством ника пользователь создает имидж, даже рекламирует себя. Ник – это не лицо, а маска пользователя в сети, о чем более подробно пишет Н.Г. Асмус: «Надеть на себя маску – значит превратиться, иметь неограниченные возможности в выборе языковых средств, а следовательно, забыть об ответственности за сказанное слово. При интернет-общении коммуниканты не знают ничего друг о друге, кроме отрывочных субъективных представлений, полученных из сообщений. Виртуальный коммуникант – это не реальное лицо, а маска или роль, в которую человек “вживается” и какую исполняет до конца представления» [11, с. 72–73]. Рассматривая имена пользователей с позиции их использования, мы пришли к выводу, что, как правило, они не соответствуют реальному образу пользователя в жизни, т. е. ник, в отличие

от прозвища, может выражать желаемые и мнимые черты, а не только реальные.

Заключение

С позиций сохранения конфиденциальности как неотъемлемой составляющей кибербезопасности мы можем утверждать, что пользователь сети самостоятельно решает, какую информацию предоставлять на всеобщее обозрение, а какую скрыть. Дату рождения, город проживания и контакты можно указать действительные, а можно и

выдумать. Ник может отображать реальное имя, а может быть совсем не связан с ним. Электронная почта и телефоны тоже могут быть указаны неверные. Учитывая риск того, что эта информация может попасть в нехорошие руки, мы рекомендуем не оставлять свои корректные данные на странице своего профиля и использовать вымышленные имена. Наше исследование еще раз подтверждает необходимость разработки комплексных мер по обеспечению конфиденциальности как одного из ключевых принципов интернет-коммуникации и важного условия кибербезопасности.

Рецензент: Добродеев Александр Юрьевич, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, советник генерального директора ОАО «Концерн «Системпром», г. Москва. info@systemprom.ru

Литература

1. Бородакий Ю.В., Добродеев А.Ю., Бутусов И.В. Кибербезопасность как основной фактор национальной и международной безопасности XXI века (Часть 1) // Вопросы кибербезопасности. 2014. № 1 (2). С. 5–12.
2. Марков А.С., Цирлов В.Л. Руководящие указания по кибербезопасности в контексте ISO 27032 // Вопросы кибербезопасности. 2014. № 1 (2). С. 28–35.
3. Марков А.С. Летописи кибервойн и величайшего в истории перераспределения богатства // Вопросы кибербезопасности. 2016. № 1 (14). С. 68–74.
4. Лукинова О.В. Семантическое описание факторов безопасности информационных систем при проектировании систем защиты // Системы высокой доступности. 2013. Т. 9. № 3. С. 149–156.
5. Матвеев В.А., Цирлов В.Л. Состояние и перспективы развития индустрии информационной безопасности Российской Федерации в 2014 г. // Вопросы кибербезопасности. 2013. № 1 (1). С. 61–64.
6. Гаттаров Р.У. Концепция стратегии кибербезопасности // Вопросы кибербезопасности. 2014. № 1 (2). С. 2–4.
7. Бродовская Е.В. Влияние Интернет-коммуникации на формирование ценностных ориентаций российской молодежи. Приложение к научному отчету. М.: ФГБОУ ВПО «Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова». 2013. 119 с. URL: http://mggu-sh.ru/sites/default/files/nauchnyy_otchet_brodovskaya_e.v..pdf.
8. Nechaev V.D., Brodovskaya E.V., Dmitrieva O.V. Russia in the World Internet Project 2012: The Main Results of Research // Middle-East Journal of Scientific Research. 2013. № 15 (11): pp. 1511-1520.
9. Ахренова Н.А. Лингвистические особенности сетевых имен // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34. С. 5–10.
10. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р.Валент, 2001. 200 с.
11. Асмус Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Челябинский государственный университет. Челябинск, 2005. 23 с.

ИСТОРИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА. XX ВЕК. НАЧАЛО

Горбачёва Е.В.*

Аннотация. Статья описывает этапы становления законодательства, регулирующего вопросы информации, правовой информации и информатизации начиная с середины XX века. Названы первые нормативные акты, отражающие проблемы нарождающегося информационного общества.

Ключевые слова: информация, правовая информация, информатизация, история, XX век, информационное общество, доступ к информации, защита информации, информационная безопасность, правовой режим информации, Научный центр правовой информации (НЦПИ), законы США, законы ФРГ.

Целью законодательства в информационной сфере является повышение уровня правовой информированности общества путем всестороннего обеспечения органов, должностных лиц и граждан полной и достоверной информацией о действующих в России законодательных и других правовых актах. Решение этой проблемы представляет собой двуединую задачу: информатизацию правовой сферы и обеспечение законодательного регулирования правоотношений в сфере информации и информатизации («информатизация» – популярный термин тех времен).

Нормативные акты регулировали самые разные аспекты области информации. В сферу интересов общества вошли:

- информационные ресурсы, продукты, услуги (сбор, учет, регистрация, обработка, накопление, хранение, получение и потребление информации, доступ к информационным ресурсам, право собственности на них, обмен информацией, архивы, библиотеки, базы и банки данных, государственные кадастры, реестры, регистры, информационные фонды, депозитарии, системы классификации и кодирования);
- информация ограниченного доступа;
- информационные системы, технологии и средства их обеспечения, информационная инфраструктура, телекоммуникация и связь;
- сертификация и лицензирование в информационной сфере;
- информационная безопасность (защита личности, общества, государства от воздействия

недоброкачественной, недостаточной, ложной информации, защита информации и информационных систем от несанкционированного доступа, защита прав и свобод граждан в условиях информатизации);

- интеллектуальная собственность (авторское право, патентное право); средства массовой информации (распространение информации, реклама);
- ответственность за правонарушения в информационной сфере;
- международное сотрудничество в информационной сфере и т. п.

Для развития законодательства, регулирующего проблемы информации и информатизации, с принятием Конституции Российской Федерации 1993 года появилась конституционная основа.

Конституция официально подтвердила международно признанное право граждан на информацию. Ст. 29 Конституции раскрывает содержание этого права. Пункт 4 этой статьи предусматривает право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом. Это право граждан на информацию должно быть распространено и на различные ассоциации граждан, юридические лица и на само государство как субъекта международных отношений.

Для сферы правовой информации данные положения имеют особую значимость. Как известно, незнание закона не освобождает от ответствен-

* Горбачёва Елена Викторовна, заместитель начальника редакционно-издательского отдела ФБУ НЦПИ при Минюсте России, Российская Федерация, г. Москва.

E-mail: struniny@yandex.ru

ности, и право на беспрепятственное получение правовой информации является жизненно необходимым. Принципиальная доступность правовой информации – ее важнейшая и специфическая черта. Реализация доступности и защита права на доступ к нормативной правовой информации подчеркиваются в пункте 2 статьи 24 – Конституция Российской Федерации обязывает органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (а правовая информация является именно такой), если иное не предусмотрено законом, а ст. 19 запрещает ограничения прав граждан по ряду признаков социальной, расовой, национальной, или религиозной принадлежности.

Порядок формирования и использования информационных ресурсов рассматривается в статье 71 «и». Здесь сказано об отнесении федеральной информации и связи к ведению Федерации, об определении федеральной собственности на важнейшие объекты информационных ресурсов и информатизации.

Вопрос о правовом обеспечении информатизации в нашей стране был поставлен в 70-х гг. в связи с развитием АСУ различных уровней. Нормативная основа, структура и механизмы ее реализации, выраженные термином «правовое обеспечение», не вышли за рамки ведомственных актов, нескольких постановлений правительства, аналогичных актов республиканского уровня.

В 1975 году было образовано учреждение, в названии которого впервые используется словосочетание «правовая информация».

25 июня 1975 года с целью систематизации действующего законодательства и создания эффективного механизма информирования граждан и должностных лиц о нормах действующего законодательства было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров № 558, обязывающее создать при Всесоюзном научно-исследовательском институте советского законодательства Министерства юстиции СССР (ВНИИСЗ) «научно-информационный центр, оснащенный современными техническими средствами для поиска и выдачи информации». На Центр возлагались задачи ведения учета нормативных актов СССР и союзных республик, государственной регистрации, обработки, хранения и ведения фонда правовой информации. В соответствии с этим постановлением при ВНИИСЗ был создан Научный центр правовой ин-

формации (НЦПИ) [1]. НЦПИ был первой в стране организацией, решающей на современном научно-техническом уровне проблемы поиска правовой информации, кодификации законодательства, повышения уровня законодательной техники, приведения ведомственных нормативных актов в соответствие с союзным законодательством.

Приказом Министра юстиции СССР от 2 декабря 1976 года на НЦПИ с 1 июля 1977 года возлагалась обязанность приема на государственный учет правовых актов, а приказом от 18 марта 1977 года было утверждено Положение о государственном учете нормативных актов СССР и союзных республик. Центр осуществлял централизованный сбор и регистрацию этих актов, создание и поддержание в контрольном состоянии их фондов и предоставление комплексной информации о них. Определяющим в развитии НЦПИ стал 1982 год, когда была введена в действие автоматизированная информационно-поисковая система «АИПС-Законодательство», первая удачная попытка систематизации большого правового массива. В целях систематизации и совершенствования законодательства ЦК КПСС, Президиумом Верховного Совета СССР и Советом Министров СССР в марте 1978 года было принято совместное постановление об издании в 1981–1985 годах Свода законов СССР в качестве официального издания Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР. Значительная роль в организации этой работы отводилась НЦПИ, создавшему автоматизированную подсистему «Свод законов», за которую работники Центра были награждены серебряной медалью ВДНХ. Приказом Министерства юстиции РСФСР от 8 января 1992 г. НЦПИ был преобразован в НЦПИ при Минюсте России.

Проблематика информатизации в большей мере получила отражение в законодательстве Российской Федерации в 1991–92 гг. Происходит смена акцентов в структуре правового режима информации. Появились первые акты Российской Федерации, устанавливающие форму собственности на некоторые виды информации. Новым моментом в правовом режиме информации является признание документированной информации объектом товарного характера.

Среди первых документов, рассматривающих данную сферу – указы Президента РФ «Об информационно-правовом сотрудничестве Российской Федерации с государствами-членами Содружества Независимых Государств» (1993), «О дополнительных гарантиях права граждан на информацию» (1993), «О мерах по ускорению соз-

дания центров правовой информации» (1993), «О концепции правовой информатизации России» (1993), «О мерах по реализации правовой информатизации России» (1993), «Вопросы формирования единого информационно-правового пространства Содружества Независимых Государств» (1993), «О взаимодействии федеральных органов государственной власти Российской Федерации в области информационно-правового сотрудничества с органами власти государств-участников Содружества Независимых Государств» (1994), «О мерах по созданию единого эталонного банка данных правовой информации» (1993).

Указ Президента «Об основах государственной политики в сфере информатизации» (1994) принят «в целях создания условий для согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти Российской Федерации, обеспечения безопасности страны и национальных интересов в информационной сфере и, учитывая важность информатизации для формирования и развития качественно новых социально-экономических отношений в России».

Вопросы организации правовых информационных ресурсов решались актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, регулирующими устройство системы органов, проводящих в жизнь правовую информацию и информатизацию, распределение между ними обязанностей и функций.

Данные проблемы отражены, в частности, в таких документах, как Положение о Государственном правовом управлении Президента РФ (1992), Положение о Министерстве юстиции РФ (1993), Закон Российской Федерации «О федеральных органах правительственной связи и информации» (1993), Постановление о первоочередных мерах по созданию единой системы обеспечения правовой информацией органов государственной власти и управления республик, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга, органов местного самоуправления (1992), Распоряжение Правительства о создании в НЦПИ банка ведомственных нормативных актов (1993) и др.

Частично проблемы правовой информации затрагивались в таких актах, как законы Российской Федерации «О государственной тайне»; «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных»; «О правовой охране топологий интегральных микросхем»; «Об авторском праве и смежных правах»; «О средствах массовой информации», «О товарных знаках, зна-

ках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров». Приняты федеральные законы «О рекламе», «Об обязательном экземпляре документов», «О библиотечном деле», «Об архивном деле в Российской Федерации», «О связи», «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования», «О кредитных историях», Указ Президента РФ «О классификаторе правовых актов» и др.

Большое значение имеет Гражданский кодекс Российской Федерации, принятый Государственной Думой 21 октября 1994 года, в частности, следующие главы и статьи: Глава 6. Общие положения. Ст. 138. Интеллектуальная собственность. Ст. 139. Служебная и коммерческая тайна. Глава 38. Выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ. Ст. 771. Конфиденциальность сведений, составляющих предмет договора и др.

Основополагающим на тот момент в информационной сфере считался так называемый «трехглавый закон» – Федеральный закон от 20 февраля 1995 года № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», который «регулирует отношения, возникающие при: формировании и использовании информационных ресурсов на основе создания, сбора, обработки, накопления, хранения, поиска, распространения и предоставления потребителю документированной информации; создании и использовании информационных технологий и средств их обеспечения; защите информации, прав субъектов, участвующих в информационных процессах и информатизации».

В принятом в 1996 году Уголовном кодексе Российской Федерации вопросам информации – её безопасности – посвящены следующие главы и статьи: Глава 19. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (Ст. 137. Нарушение неприкосновенности частной жизни; Ст. 138. Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений; Ст. 139. Нарушение неприкосновенности жилища; Ст. 140. Отказ в предоставлении гражданину информации; Ст. 144. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов; Ст. 146. Нарушение авторских и смежных прав; Ст. 147. Нарушение изобретательских и патентных прав); Глава 22. Преступления в сфере экономической деятельности (Ст. 183. Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну; Ст. 189. Незаконный экспорт технологий, научно-технической информации и услуг,

используемых при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники); Глава 25. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности (Ст. 237. Соккрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни и здоровья людей); Глава 29. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (Ст. 275. Государственная измена; Ст. 276. Шпионаж; Ст. 283. Разглашение государственной тайны; Ст. 284. Утрата документов, содержащих государственную тайну) и др. Впоследствии в Уголовный кодекс была введена специальная глава, посвященная компьютерным преступлениям (Глава 28. Преступления в сфере компьютерной информации).

Федеральный закон «Об участии в международном информационном обмене» (1996) был принят с целью «создания условий для эффективного участия России в международном информационном обмене в рамках единого мирового информационного пространства, защита интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при международном информационном обмене, защита интересов, прав и свобод физических и юридических лиц при международном информационном обмене».

Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 года № 1300 утверждена Концепция национальной безопасности Российской Федерации, в которой указывается на необходимость защиты государственного информационного ресурса от утечки важной политической, экономической, научно-технической и военной информации.

Постановление Правительства РФ от 29.11.2000 № 904 «Об утверждении Положения о порядке ведения Федерального регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации» непосредственно касалось деятельности НЦПИ.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (2000) представляла собой совокупность официальных взглядов на цели, задачи, принципы и основные направления обеспечения информационной безопасности Российской Федерации.

На международном уровне давно сформирована устойчивая система взглядов на информацию как на ценнейший ресурс жизнеобеспечения общества, имеющий широкое социальное значение. В «Билле о правах в эру информации» (1990) определяется, что общедоступная информация – это национальное богатство, приумноженное и сохраняемое в интересах общества. Общедоступ-

ная информация определена как создаваемая, собираемая и/или сохраняемая федеральным правительством.

Разработка проблемы шла по трем направлениям:

1) Защита государственных интересов [2].

Механизм защиты предусматривал следующие аспекты: установление приоритетов защиты; определение исполнительских механизмов (административных структур защиты с необходимой законодательно-правовой базой).

Законы США, создающие условия для развития процессов информатизации (компьютеризации) в стране, исчислялись сотнями. Ключевую роль играет американский «Закон об информационной безопасности» (1988). Его цель – реализация минимально достаточных действий по обеспечению безопасности информации в федеральных компьютерных системах.

2) Защита права личности на частную жизнь.

В законах устанавливается приоритет интересов национальной безопасности над сохранением тайны частной жизни. В остальном права личности защищены весьма тщательно. Развитие информатики в странах Запада и возникновение «мировых информационных потоков», имеющих трансграничные свойства, необходимость введения регулирования этих потоков в связи с ростом угрозы нарушения прав личности (бесконтрольным распространением и доступом к персональной информации) потребовали разработки специальных актов, учитывающих фактор информатизации.

В законодательстве ФРГ выделяется развернутый (44 раздела) Закон о защите данных (1990). Он целиком посвящен защите персональных данных.

3) Защита предпринимательской и финансовой деятельности путем создания законодательного механизма, определяющего понятие «коммерческая тайна» и устанавливающего условия для осуществления «добросовестной» конкуренции, квалификации промышленного шпионажа как элемента недобросовестной конкуренции.

Конечно, по известным причинам зарубежное законодательство коснулось проблем информации намного раньше. Вот какие «лохматые» годы представлены в списках опорных законодательных актов США в области организации информации и компьютеризации:

Акт о федеральной отчетности (1942) – упорядочение системы отчетности.

Акт о федеральной собственности и административных службах (1949) – закупка и управление телекоммуникациями.

Акт о правительственных источниках (1965) – снижение бумаготворчества.

Акт о федеральных архивах (1968) – роль центрального звена управления архивами.

О свободе информации (1974) – информация – национальный ресурс.

Закон о снижении объемов федерального бумажного документооборота (1980) – упорядочение документирования.

Циркуляр А-130 «Управление федеральным информационным ресурсом» (1985) – стратегическое планирование информационных технологий, бюджетные ассигнования.

Акт о дополнительных санкциях на снижение объемов документооборота (1986) – информационные ресурсы ведомств, пятилетние планы, пакет по управлению информационными ресурсами, функции ведомств.

Билль о правах в эру информации (1990) – фундамент для программ и политики в области общедоступной информации, утверждение общенародной собственности на информацию, принципы доступности информации.

Законы XX века устанавливали нормы и правила в области

- формирования и использования правовых информационных ресурсов страны, права авторства и права собственности на них;

- создания структур, предопределяющих активное развитие процессов правовой информатизации и внедрения передовых технологий в работе с информацией;
- защиты прав граждан в условиях информатизации;
- реализации и защиты права на свободный доступ к правовой информации;
- защиты правовой информации от несанкционированного доступа;
- координации государственного управления и законотворческой работы;
- государственной политики в сфере правовой информации и информатизации.

Однако бурное развитие всей сферы информации в современном мире требовало постоянного совершенствования законодательства, регулирующего отношения в данной области. Поэтому в настоящее время наблюдается повышение законотворческого интереса к проблемам информации, что подтверждается возникновением и развитием понятий «информационное право» [1], «информационно-коммуникационные технологии», решением юридических, социальных, даже психологических проблем, связанных с повсеместным введением интернета и электронных форм связи.

Литература

1. Сайт Научного центра правовой информации. URL: <http://www.scli.ru>.

2. Законодательный уровень информационной безопасности. URL: <http://pki-exam.narod.ru/ib/t4/index.html>.
3. В.А.Копылов. Информационное право. 2006. № 2(5). С. 45.

О ЦЕННОСТИ ИНФОРМАЦИИ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

Бочков С.И.*

Аннотация. В современном мире уже признано, что информация является самостоятельным ресурсом, ценность которой почти всегда выше, чем ценность носителя этой информации. Целью статьи является изучения вопроса ценности информации в различные временные промежутки своего жизненного цикла. Актуальность рассматриваемых вопросов для правовой информации связана с выбором адекватных мер ее защиты в автоматизированных системах. Предложены принципы оценки стоимости модернизации автоматизированных систем правовой информации в зависимости от современных угроз безопасности.

Ключевые слова: автоматизированные системы, правовая информация, стратегическое планирование, стоимость информации, угрозы информационной безопасности.

Почти на протяжении века понятие информация является предметом теоретических изысканий философов, психологов, социологов, юристов, экономистов и т. д. В настоящее время уже общепризнано, что информация является самостоятельным ресурсом, способствующим ускоренному развитию различных областей человеческой деятельности. С развитием высокопроизводительных вычислительных средств и широкополосных сетей связи для создания баз данных и организации доступа к ним особенную актуальность вопросы производства, хранения и представления информации приобрели при создании сложных инженерно-технических объектов.

Наибольшее распространение получила концепция автоматизации процессов жизненного цикла (ЖЦ) продуктов и услуг, где ключевым элементом автоматизированных систем является информация. Изначально концепция ЖЦ распространялась применительно к биологическим и социальным системам как комплекс идей изучения механизмов наследственности в процессе рождения, развития, адаптации и вымирания¹. В инже-

нерии концепция ЖЦ стали развиваться в связи с инициативой Минобороны (МО) США в середине 70-х годов прошлого века по повышению эффективности управления и сокращения затрат на информационное взаимодействие в процессах заказа, поставок и эксплуатации средств вооружения и военной техники. Идеи управления ЖЦ базировались на организованном специальным образом обмене, хранении и поиске информации в бумажном виде. Однако уже в 1985 году МО США начало создание глобальной автоматизированной системы электронного описания всех этапов производства и эксплуатации продуктов военного назначения, которая получила название «компьютерная поддержка поставок» (CALS – Computer Aided Logistic Support). Дальнейшее развитие CALS получила из-за различий ЖЦ больших систем (авианосцев, ракетных комплексов, самолетов и т. д.) с ЖЦ комплектующей элементной базы и отдельных узлов этих систем, выпуск которых прекращался предприятиями-изготовителями, а на их замену приходилось создавать аналоги с использованием более современных технологий.

В 90-е годы понятие CALS изменилось и приобрело новое смысловое наполнение – непрерывная информационная поддержка ЖЦ изделия или продукта (CALS – Continuous Acquisition and Life Cycle Support). Учитывая, что значительное количество предприятий в США, а затем и в западной Европе

¹ Широкова Г. В., Клемина Т. Н., Козырева Т. П. Концепция жизненного цикла в современных организационных и управленческих исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Менеджмент». Сер. 8. Вып. 2. 2007. С. 3–31.

* **Бочков Сергей Иванович**, председатель Совета некоммерческого партнерства «Неправительственный инновационный центр», г. Москва
E-mail: vss-05@mail.ru

стали применять CALS для повышения эффективности производства продукции гражданского назначения, стали появляться международные стандарты. В настоящее время понятие ЖЦ является базовым для семейства международных стандартов ISO 9000 по управлению качеством продукта или услуг. Так, стандарт ISO 9004-1 определяет ЖЦ продукта следующим образом: «совокупность процессов, выполняемых от момента выявления потребностей общества в определенной продукции до момента удовлетворения этих потребностей и утилизации продукта».

В России (бывшем СССР) понятие ЖЦ не вводилось в практику как единая система взаимосвязанных работ. Однако необходимо отметить, что военные стандарты (серии В) того времени достаточно детально описывали каждую стадию работ. Более детально Рекомендации 50-605-80-93 определяют 25 и 75 стадий ЖЦ продукции военного и гражданского назначения соответственно. При этом «жизненный цикл» определяется как «...процесс последовательного изменения состояния, обусловленный видом производимых воздействий»². Данные стадии также характерны и для автоматизированных систем обработки информации. Условно их можно сгруппировать в 3 фазы [1]:

- разработка, которая подразумевает проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР);

- создание, предусматривающее серийное производство, а также проектно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (ПИСМР);
- эксплуатация, в результате которой осуществляется использование продуктов или услуг по назначению.

Для коммерческих систем основные финансовые затраты осуществляются на первых двух фазах (разработка и создание), а извлечение прибыли предполагается на 3-й фазе (эксплуатации) с учетом компенсации затрат на техническое обслуживание и администрирование автоматизированной информационной системы в защищенном исполнении.

На рис.1 показана зависимость стоимости комплексов и изделий на протяжении ЖЦ. Данный график носит достаточно условный характер и для каждой конкретной системы конкретные значения функции $C(T)$ могут быть определены самостоятельно. Значимость этого графика заключается в демонстрации одной из важнейших зависимостей: стоимость данных по мере их накопления в автоматизированной информационной системе (далее – АИС) начинает расти после ввода ее в эксплуатацию и, как правило, превышает стоимость разработки и создания АИС.

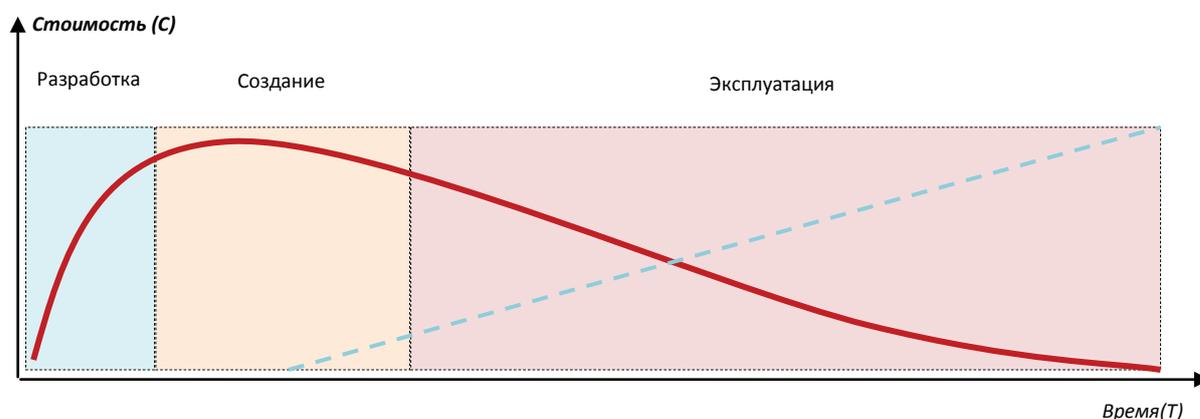

Рис. 1 Стоимость АИС на протяжении жизненного цикла

В практической деятельности оценка стоимости данных на начальных фазах зачастую не проводится, что влечет к неадекватному выбору мер информационной безопасности. Априори считается, что данные в АИС имеют определенную ценность, но конкретная их стоимость заказчиками

этих систем не определяется. В основном рассматривались вопросы стоимости АИС как совокупности программно-технических средств, предназначенных для накопления, хранения и передачи (приема) данных с учетом стоимости работ на различных фазах ЖЦ.

² Рекомендации. Система разработки и постановки продукции на производство. Термины и определения. Р 50-605-80-93. Приказ ВНИИстандарта от 9 июля 1993 г. № 18, раздел 2.3, с.14.

Чаще всего ценность информации определяют с точки зрения ее полезности, насколько она удовлетворяет потребностям конкретного человека, хотя само понятие ценность в различных областях научной деятельности определяется по-разному.

Во-первых, ценность выступает как характеристика какого-либо объекта. В нашем случае ценность правовой информации приобретает противоречивые значения.

Ставшим классическим является определение ценности информации А.А.Харкевича через приращение вероятности достижения цели. «Если до получения информации эта вероятность равнялась p_0 , а после получения информации она стала равна p_1 , то ценность полученной информации в указанном выше смысле можно определить как

$$I = \log_2 p_1 - \log_2 p_0 = \log_2 p_1 / p_0$$

Выбор логарифмической меры определяется обычным условием аддитивности»³.

При этом А.А.Харкевич все же отмечает: «Одна и та же информация может иметь различную ценность, если рассматривать ее с точки зрения использования для различных целей». В частности, вышеприведенное значение стоимости информации характерно для одного человека, в то время как для неограниченного числа пользователей (например, в сети Интернет) определить показатели потребительской стоимости информации не представляется возможным.

Во-вторых, ценность проявляется как нематериальный актив в виде значимости определенных норм и правил поведения (отношения) для личности и общества, как система ценностей, к которой относят свободу выбора и свободу слова; самореализацию в творчестве, самообразование и самоорганизацию; социальный статус и положение в обществе и т. д. Например, музейная ценность с экономической точки зрения (научная, историческая, мемориальная, художественная) какой-либо книги существенно выше, чем его копия в бумажном или электронном виде (данных для обработки с использованием электронно-вычислительных средств). Уже общепризнано, что одним из таких нематериальных активов является информация, а автоматизированные системы обработки информации – информационные ресурсы [2]. Рассма-

тривая вопросы сокращения сроков проведения НИОКР, Г.Р. Громов отмечал: «информационные ресурсы – это непосредственный продукт интеллектуальной деятельности наиболее квалифицированной и творчески активной части трудоспособного населения страны...»⁴.

Правовая информация, реализованная в виде совокупности программно-технических средств, обеспечивающих функционирование баз данных правовых документов с организацией доступа в сети Интернет неограниченному кругу пользователей – это тоже продукт интеллектуальной деятельности, но обладающий специфическими характеристиками ценности. Таким образом, стоимость данных $C_{ни}$, на основании которых происходит визуализация информации в АИС, можно определить как сумму затрат на протяжении ЖЦ отдельных юридических документов:

$$C_{ни} = \sum C_n$$

где n – количество юридических документов, составляющих базу юридических документов.

Необходимо отметить, что подсчет стоимости одного юридического документа и базы данных юридических документов на протяжении ЖЦ – задача нетривиальная. Так, например, аддитивные методы определения стоимости в денежном выражении предполагают возможность прямого и обратного решения задачи с привлечением экспертного сообщества. При прямом подсчете каждому из объектов конечного множества C_n присваивается по какой-либо ранг по выбранной шкале, а затем предполагается сравнение этих объектов между собой. Затем проводится оценка стоимости каждого из объектов по отношению к какому-либо объекту с заранее известной стоимостью. Если известна стоимость всей информации, то путем обратных преобразований можно определить стоимость одного информационного объекта.

Ценность баз данных правовой информации также обладает двойственным характером. С одной стороны, государство заинтересовано в распространении среди широких слоев населения и организации доступа к базам данных правовой информации бесплатно для повышения правосознания граждан, снижения уровня преступности, совершенствования механизмов государственного управления и т. д., а следовательно невозможно

³ Харкевич А.А. «О ценности информации». Проблемы кибернетики. Под редакцией А.А. Ляпунова. Выпуск 4. Государственное издательство физико-математической литературы. М., 1960. С. 54.

⁴ Громов Г.Р. Национальные информационные ресурсы: проблемы промышленной эксплуатации. М.: Наука, 1985. 420 с.

определить стоимость этих информационных ресурсов как потребительскую характеристику ценности. Более того, в российском законодательстве закреплены нормы, обеспечивающие принцип «право на информацию» [3]. С другой стороны, стоимость постоянно накапливающейся правовой информации, обрабатываемой с использованием электронно-вычислительных машин, для государства имеет существенное значение в связи с реализацией АИС в защищенном исполнении. Несмотря на то, что правовая информация является открытой для широкого доступа граждан, необходимость определения стоимости данных в АИС связано с анализом угроз и рисков информационной безопасности и на их основе выбора адекватных организационно-технических мер защиты.

Как видно из рис. 2, жизненные циклы программно-технических средств автоматизирован-

ной информационной системы (АИС) и собственно данных, составляющих информационный ресурс, не совпадают. ЖЦ данных имеет много большее временное значение. В ЖЦ информации обычно выделяют три фазы:

- создание (написание, классификация, рубрикация, сбор, редактирование);
- актуализация (представление в базе данных, ввод, хранение, обработка, изменение, изъятие, поиск);
- забвение (архивация, консервация, уничтожение).

Если жизненный цикл программно-технических средств АИС составляет 7–10 лет с учетом морального и физического старения компонентной (элементной) базы, то жизненный цикл информации, обрабатываемой в АИС, может составлять 30–40, а иногда и более 50 лет.

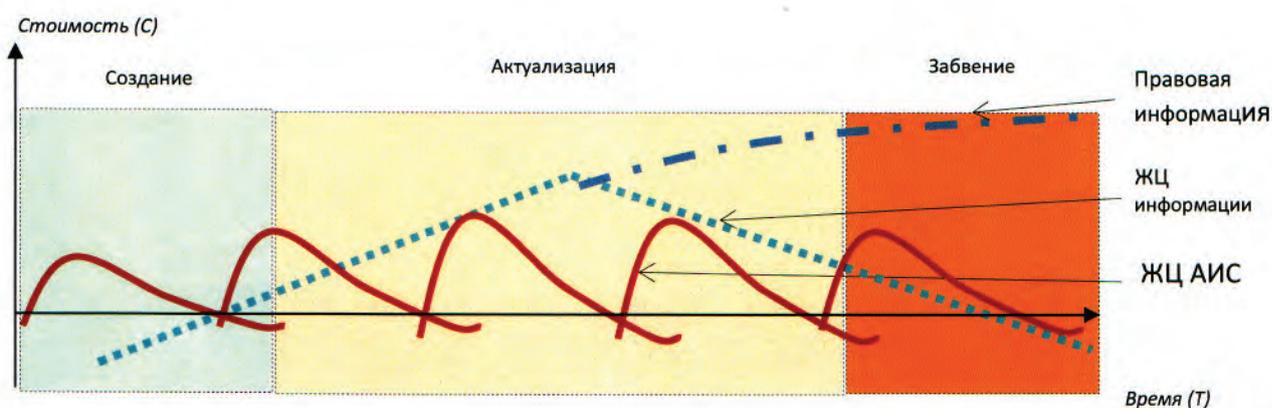

Рис. 2

Если бы не законодательное закрепление норм, касающихся сроков хранения правовой информации, можно было бы согласиться с тезисом о том, что стоимость правовой информации будет близка к нулю через несколько поколений населения страны как невостребованная. ЖЦ правовой информации определяется Федеральным законом от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации»⁵, который в статье 5 относит юридические акты, находящиеся на территории Российской Федерации, к архивным документам, независимо от источника их происхождения, времени и способа создания, вида носителя, форм собственности и места хранения в составе Архивного фонда Российской Федерации,

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации от 25 октября 2004 г. № 43. Ст. 4169.

а статья 12 этого закона закрепляет бессрочное хранение этих документов. Таким образом, такие автоматизированные системы правовой информации как:

- Государственная система правовой информации, Официальный интернет-портал правовой информации (<http://pravo.gov.ru>);
- Федеральные регистры нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных нормативных правовых актов (<http://zakon.scli.ru>),

по сути, являются составной частью Архивного фонда Российской Федерации, на которые не распространяются законы ЖЦ информации, а потребительская стоимость этих ресурсов является несущественной при выборе средств защиты информации. Из этого следует, что ценность и стоимость информации могут иметь разные смыс-

ловые значения. Ценность определяет владелец информации, а стоимость – потребитель.

К сожалению, единой методики расчета денежного выражения стоимости данных в АИС в настоящее время не существует. Так, руководящий документ ФСТЭК России⁶ при определении класса защищенности информационной системы оперирует понятием «уровень значимости» информации, который, в свою очередь, вычисляется через параметр «степень возможного ущерба» обладателя информации от нарушения конфиденциальности, целостности или доступности информации и имеет три уровня (высокий, средний, низкий). Более того, оценка степени возможного ущерба проводится владельцем информационной системы «...экспертными или иными методами...». Аддитивные методы оценки стоимости данных, обрабатываемых в автоматизированных системах правовой информации, неприменимы из-за слабой формализованности нормотворческих процессов и невозможности определения трудоемкости этих процессов с достаточной степенью достоверности на начальных этапах ЖЦ информации. Например, для того чтобы определить затраты на разработку одного нормативного акта федерального уровня, необходимо каким-то образом вычислить трудоемкость сотрудников Администрации Президента Российской Федерации, членов Совета Федерации, депутатов Государственной думы Российской Федерации и т. д., а также так называемые «накладные расходы» (на содержание зданий и сооружений, услуги специальной связи и информации, транспорт, электроэнергию и т. д.).

Таким образом, для обеспечения защиты правовых АИС определение стоимости баз данных в качестве потребительской стоимости информации не является значимым критерием. Ценность баз данных правовой информации определяется владельцем информации – государством. Несмотря на то, что правовая информация является открытой, за исключением случаев, определенных Законом «О государственной тайне»⁷, выполнение современных требований по защите информации

становится достаточно сложной и дорогостоящей задачей.

Создание государственных автоматизированных систем правовой информации осуществлялось на основании утвержденной Президентом России «Концепции правовой информатизации России»⁸, которая предусматривала 3 этапа со сроком завершения в 2000 году. Концептуального развития правовой информатизации в стратегическом плане в настоящее время какими-либо нормативными документами предусматривается. По мнению экспертов, к 2017 году вероятность реализации потенциальных угроз существенно возросла, в связи с чем возникает необходимость изменения парадигмы развития государственных автоматизированных систем правовой информации на основании «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Президентом России в декабре 2015 года⁹.

С точки зрения оценки ценности и дальнейшей разработки мер защиты государственных автоматизированных систем правовой информации должны быть положены следующие принципы:

- оценка стоимости активов исходя из необходимости полного их восстановления в случае реализации всего спектра угроз национальной безопасности (восстановительная стоимость актива);
- оценка последствий от утраты, модификации, недоступности (или компрометации) актива для социально-политических процессов в стране и за рубежом.

Планирование деятельности по совершенствованию автоматизированных систем правовой информации представляется целесообразным на длительную перспективу, предусматривающую их стратегическое развитие как минимум на 30–50 лет при смене нескольких жизненных циклов этих систем. Безусловно, сохранность стратегического национального ресурса – правовой информации является важнейшей составляющей обеспечения суверенности государства.

⁶ Меры защиты информации в государственных информационных системах. Методический документ. Утвержден ФСТЭК России 11 февраля 2014 г. URL: <http://fstec.ru/tekhnicheskaya-zashchita-informatsii/dokumenty/114-spetsialnye-normativnye-dokumenty/805-metodicheskij-dokument>

⁷ Закон РФ от 21 июля 1993 г. N 5485-1 «О государственной тайне» (с изменениями и дополнениями). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102025035&page=1&rdk=14#10

⁸ Указ Президента РФ от 28 июня 1993г. № 966 «О Концепции правовой информатизации России» (с изменениями и дополнениями). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102024537&page=1&rdk=2#10

⁹ Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru>

Литература

1. Бочков С.И. Проблемы правового регулирования научной деятельности. Москва, Издательский дом «Медиацентр», 2015 г.
2. Бочков С.И. Понятие и свойства информационных ресурсов. Сетевое издание «Византийский ковчег». URL: <http://vizkov.ru/science/issledovaniya.html?limit=7&start=14>
3. Официальное электронное опубликование. История / Подходы / Перспективы. Под редакцией заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» В.Б. Исакова. М.: Формула права, 2012.

ПРАВОВОЙ СТАТУС УНИВЕРСИТЕТОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Никифоров С.М.*

Аннотация. В статье дается анализ правового статуса первых российских университетов как полноправных субъектов публичных правоотношений. На основе детального анализа учредительных документов Санкт-Петербургской Академии наук, уставов Московского, Казанского, Харьковского университетов и последующих уставов делается вывод о том, что учебные заведения имели статус юридических лиц публичного права. Прослеживается генезис организационно-правовой структуры, перераспределения властных полномочий руководящих органов университетов, особенности имущественной правоспособности университетов на протяжении 18–19 веков.

Ключевые слова: юридические лица, публичное право, российские университеты, историко-правовой анализ.

Публичное право связано с осуществлением государственных и публичных интересов и поэтому представляет собой систему централизованного регулирования соответствующих отношений [1, с. 932]. В исследуемый период правовой статус юридических лиц публичного права предполагал «создание таковых в силу закона или административного акта для реализации задач публичного характера»¹. Правовой статус отечественных учебных заведений XVIII – начала XIX века определялся через возможность выступать самостоятельным субъектом правоотношений в интересах государства, с учетом экономико-правовой и организационной структуры, которая во многом была скопирована с западноевропейской.

Под «заведением» понималась «организация, созданная государством для достижения определенных целей, наделенная определенной юридической самостоятельностью и имуществом»². Основной целью формирования корпуса учебных заведений в России были государственные интересы по организации общевоспитательной подготовки и распространению общей культуры на всей территории Империи. Деятельность по-

добных заведений регулировалась статутными документами (уставами или установлениями). Как отмечает А.Д. Градовский, компетенция каждого подчиненного установления определялась актами законодательной власти (уставом, узаконениями), на основании которых каждое заведение определяет круг своих задач, свои иерархические отношения к прочим местам и лицам, объем своих прав при разрешении вопросов управления и т. д. Основанная на законе, власть каждого подчиненного учреждения является самостоятельной, в пределах, ему указанных³.

Несмотря на отсутствие в российском законодательстве прямого указания на то, какие организации являлись юридическими лицами, а какие нет, можно сделать вывод о том, что ученые и учебные заведения являлись самостоятельными юридическими лицами, точнее, они являлись государственными учреждениями, наделенными правами юридического лица. Так, в статье 698 Свода законов гражданских⁴ учебные и ученые заведения отнесены к самостоятельным субъектам гражданских правоотношений, способным приобретать права на имущество и осуществлять сделки с ним. В примечании к данной статье указыва-

¹ Курс германского гражданского права: введение и общая часть. Перевод с нем. Т. 1: Полут. 2 / Эннекцерус Л.; под ред., с предисл.: Генкин Д.М., Новицкий И.Б. (Пер.) М.: Инстр. лит., 1950. 483 с. С. 215–217.

² Дернбург Г. Пандекты. Т. I. Общая часть. М.: Университетская типография, 1906. С. 169.

³ Градовский А.Д. Начала русского государственного права. 3 тома, Т. I. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1875. 448 с. С.275.

⁴ Свод законов Российской империи (СЗ РИ). СПб. 1913. Т. X. Ч. I. Ст. 698. С. 75.

* **Никифоров Сергей Михайлович**, соискатель кафедры теории, истории государства и права и философии ФБУ ВО «Всероссийский университет юстиции (РПА Минюста России)», Российская Федерация, г. Москва.

E-mail: s.nikiforov@gazbank.ru

ется, что права данных установлений закреплены в уставах, учреждениях и положениях.

В соответствии с «Общим уставом императорских российских университетов» 1835 г.⁵ отечественные университеты создавались от имени государства по воле императора. Согласно статье 1 «Свода уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения»⁶, ученые и учебные учреждения находились «под особым покровительством» императора и состояли в ведомстве Министерства народного просвещения. Управление университетами осуществлялось под непосредственным административным управлением попечителя учебного округа, наблюдавшего «за ходом университетского преподавания».

Следует согласиться с мнением, что отечественные университеты возникли из практических потребностей, прежде всего государства; необходимость просвещения (просветительства) была возведена на уровень общезначимой государственной деятельности⁷. Самым первым отечественным учебным заведением стала учрежденная 28 января (8 февраля) 1724 г. Указом Петра I № 4443 Академия наук в Санкт-Петербурге⁸. Созданное учебное заведение, Академия наук и всяческих искусств, имела целью «возрождение оных в российском народе». В 1747 г. Академия наук была разделена на два блока – академию и университет.

Позже для «произведения народного благополучия к славе отечества» в 1755 году именным указом был учрежден Московский университет⁹. В соответствии с указом университету была предоставлена определенная автономия. Так, в соответствии со ст. 2 указа, «кроме Правительствующего сената, университет не подчинен был никакому иному присутственному месту». Во главе универ-

ситета стоял директор, в обязанности которого входила «забота о благосостоянии университета». Все служащие университета освобождались от постоев, сборов, вычетов из жалования и всяких «полицейских тягот» (ст. 4). Особо указывалось на то, что университетские профессора и учителя гимназий «были подсудны университетскому суду», а под юрисдикцию иных судов они могли попасть только с позволения университетских кураторов и директора (ст. 3).

В начале XIX века заинтересованная в формировании системы университетского образования государственная власть начинает уделять серьезное внимание законодательной регламентации университетской деятельности. Следующим этапом в формировании статуса учебных заведений в качестве самостоятельного субъекта правоотношений стало утверждение в 1804 году уставов Московского¹⁰, Казанского¹¹ и Харьковского университетов¹². В 1 статье Уставов императорских университетов давалось определение университета и регламентировалась сфера их деятельности, а именно, университеты являлись «высшим ученым сословием, для преподавания наук учрежденным».

Нормативные акты о внутренней организации, корпоративном статусе обучающихся и преподавателей – университетские уставы – имели в системе права Российской империи особый характер и особое политико-правовое значение, которое позволило «столь реакционному во многих отношениях» российскому государству стать «одним из основных источников революционных преобразований»¹³. Учредительные документы каждого из университетов утверждались от лица государства лично государем императором. Каждый из университетов создавался для целей государства и находился под «высочайшим покровительством». Так, Московский университет как «высшее ученое сословие, для преподавания наук учрежденное» (ст. 1 Устава) состоял «под главным Начальством Министра Народного Просвещения». «В нем приуготовлялось юношество для вступления в различные звания Государственной

⁵ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 2. Т. 10. Ч. 1. № 8337. С. 841–855.

⁶ Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения // Свод законов Российской империи. СПб., 1893. Т. XI. Ч. I. С. 1.

⁷ Юртаева Е.А. О сравнительных особенностях юридической подготовки кадров в рамках университетской системы в России и Западной Европе // Журнал российского права. 2008. № 7 (139). С. 123–135.

⁸ Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицейных собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова, Оренбурга // ПСЗ РИ. Собр. I. Т. VII. Т. СПб., 1830. С. 220.

⁹ Именной Указ об учреждении Московского университета и двух гимназий от 24 января 1755 г. // ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XIV. № 10346. СПб. 1830. С. 284–294.

¹⁰ Устав императорского Московского университета // ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVIII. СПб. 1830. № 21498. С. 570.

¹¹ Устав императорского Казанского университета // ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVIII. СПб. 1830. № 21500. С. 607.

¹² Утвердительная грамота Харьковского государственного университета // ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVIII. № 21503. С. 650.

¹³ Петров Ф.А. Университетский Устав 1804 г. и становление системы университетского образования в России // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2004. № 2. С. 60.

службы» (ст. 1). Аналогичные положения содержались в уставах Казанского и Харьковского университетов. Согласно учредительным документам университеты имели «собственное Правление, председатель которого являлся ректором, а членами – деканы факультетов». Правлению вверялась вся хозяйственная часть университетов.

Глава II каждого из трех университетских уставов содержала положения о руководителе учебного заведения – ректоре, который избирался ежегодно общим собранием из Ординарных Профессоров и представлялся Главным Училищ Правлением через Министра Народного Просвещения на Высочайшее утверждение. Университеты имели свое наименование и университетскую печать, которая хранилась у ректора. Обязанности ректора были четко закреплены в уставах, и их круг был достаточно ограниченным: наблюдение за исполнением устава, предписаниями Министра Народного Просвещения и попечителя, выполнением работниками университета их обязанностей, контроль учебного процесса, контроль корреспонденции, приходящей на адрес университета. Поскольку в его обязанности также входила забота о благоустройстве и соблюдение порядка и благочиния в университете, то при чрезвычайных обстоятельствах ректору прямо вменялось в обязанность требовать помощи от военного или гражданского начальства. Учредительными документами вводилась должность попечителя университета, но его полномочия были чисто наблюдательными, которые предоставлял ему Совет университета один раз в полгода. К ним присоединяется назначаемый Попечителем из Ординарных Профессоров неперенный Заседатель.

Нужно отметить, что в управлении университетом полномочия ректора были ограничены коллегиальным органом управления – Советом университета, в который входили ординарные и заслуженные профессора. Совет собирался один раз в месяц под председательством ректора (ст. 47), без участия ректора все принятые Советом решения считались недействительными. По сути дела, именно совет являлся высшим руководящим органом университета, ему принадлежало право решения всех вопросов, связанных с организацией и обеспечением учебного процесса, подбором кандидатов на профессорско-преподавательские должности, наложением дисциплинарных взысканий (ст. 48).

Исполнительная власть в университетах находилась в руках Правления, на это прямо указывалось в учредительных документах (ст. 137

Устава Московского университета¹⁴, ст. 134 Устава Казанского университета). В правление входили: ректор, деканы факультетов и неперенный заседатель, назначаемый попечителем из ординарных профессоров. Неперенному заседателю вменялось в обязанность наблюдение за законностью принимаемых советом решений, вынесение «благопристойного представления» ректору в случае каких-либо нарушений и сообщение о них попечителю (ст. 135). Именно правление контролировало и распоряжалось теми денежными средствами, которые выделялись на содержание университета казной. Перерасход выделенных денежных сумм не допускался. В экстраординарных случаях правление выходило с предложением в Совет, который в свою очередь уведомлял об этом попечителя, и только с его разрешения сверх выделенных средств можно было потратить сумму более 500 рублей (ст. 141). Ректор мог самостоятельно, без согласования с Правлением и Советом произвести выплату в размере, не превышающем 100 рублей, при этом он на ближайшем после произведенной выплаты заседании Правления должен был его об этом уведомить (ст. 140). Именно правление имело право от имени университета как самостоятельного хозяйствующего субъекта вступать в подряды и договоры (ст. 138).

Таким образом, следует констатировать, что университеты обладали не только внешними признаками юридического лица, которые выражались в их экономико-правовом и организационном статусе – собственным наименованием, учредительными документами уставом, печатью, – но и внутренними признаками, которые были выражены в возможности самостоятельного распоряжения собственными денежными средствами; формой управления на принципе коллегиальности путем создания специальных руководящих органов, обладавших полной самостоятельностью при решении финансовых и хозяйственных вопросов, вопросов организации учебного процесса, замещения вакантных профессорско-преподавательских должностей.

Позже, при издании сборника постановлений по Министерству народного просвещения, уставы все трех университетов были объединены в один текст¹⁵. Университеты имели статус не только научно-исследовательских центров, но и явля-

¹⁴ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVIII. СПб. 1830. С. 584.

¹⁵ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. I. Царствование императора Александра I. 1802–1825. Издание второе. СПб. Тип. Балашева. 1875. С. 295.

лись центрами учебных округов, обеспечивали их учебно-методическую базу. В свою очередь, учебные округа учреждались в качестве административных управлений в системе народного просвещения, к которым приписывались соответствующие губернии¹⁶.

Одновременно с утверждением вышеуказанных университетских уставов был утвержден Устав учебных заведений, подведомственных университетам, 1804 года¹⁷. Ф.А. Петров справедливо указывает на то, что университетские уставы, регулирующие внутреннюю организацию и корпоративный статус преподавателей и обучающихся, занимали особое положение в системе права Российской империи¹⁸. Именно уставы на достаточно длительный период времени определяли соотношение корпоративной свободы университетского сообщества и государственного управления. Основные положения университетского устава 1804 года были заимствованы из уставов германских университетов. По мнению дореволюционных исследователей, это было вызвано «преобладанием в российских вузах того периода германских учений, которые распространяли свои взгляды на высшее образование вообще и строение вузов в частности» [2, с. 270]. В то же время документ регламентировал порядок формирования образовательной системы с учетом национальных особенностей, прежде всего по территориальному принципу.

Так, Уставом 1804 года впервые в России создавалась единая система средних и начальных учебных заведений, подведомственных университетам. Первой ступенью были приходские училища, второй – уездные училища, третьей – гимназии. Важно отметить, что все три ступени представляли собой единую образовательную цепь преемственных уровней образования, которыми руководил университет в лице его директора. Еще одной новацией Устава 1804 года было то, что впервые в истории отечественного образования регламентировалась деятельность частных школ (пансионов), деятельность которых также была подчинена руководству гимназий и университетов.

¹⁶ Именной Указ об учреждении учебных округов с значением для каждого особых губерний // ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVII. 1802–1803. № 20598.

¹⁷ Устав учебных заведений подведомственных университетам. 1804 // ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVIII. СПб. 1830. № 21501. С. 626.

¹⁸ Петров Ф.А. Университетский Устав 1804 г. и становление системы университетского образования в России // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2004. № 2. С. 67–68.

Дальнейшее развитие правового положения университетов было связано с принятием нового устава императорских российских университетов от 26 июля 1835 г. (далее – Устав 1835 г.)¹⁹, определившего «деятельность университетов наших на существенную пользу науки и общественного воспитания». Анализ документа свидетельствует о постепенном ограничении университетской самостоятельности и принципа коллегиальности при принятии решений. Изменяются структура и полномочия университетских органов. Совет по новому Уставу 1835 г. мог осуществлять руководство только учебным процессом и участвовать в выборах ректора, почетных членов и корреспондентов, профессоров, адъюнктов, увольнять лекторов и учителей и т. д. Дисциплинарные и финансовые функции из его ведения были изъяты. Деятельность Совета по-прежнему находилась под контролем попечителя: Совет предоставлял попечителю выписку из протоколов заседаний и годовой отчет о своих распоряжениях, который попечитель затем предоставлял министру народного просвещения (ст. 31). В новом уставе четко прописывались условия действительности заседаний Совета и права ректора. Заседания Совета были действительны при наличии 2/3 голосов членов, решение принималось большинством голосов, голос ректора имел перевес при равенстве голосов (ст. 26).

Меняется и правовое положение Правления, расширяется его компетенция. По сути дела, именно правлению теперь принадлежала реальная власть в университете. Правление не должно было отчитываться перед советом о расходовании средств сверх штата. В состав правления университета вместо должности неперменного заседателя вводилась фигура синдика (ст. 6). Под контролем правления находилась и впервые созданная новым уставом университетская полиция (гл. IV, отд. II), в компетенцию которой входил контроль за соблюдением благочиния и порядка на территории университета (ст. 42).

В Уставе 1835 г. в гл. IV «Предметы и обязанности правления» был внесен раздел «О части хозяйственной» (отд. I), который регламентировал должности эконома и казначея, а также устанавливал порядок расходования и хранения денег, выделяемых правительством на содержание университета. Впервые в ст. 38 и 40 в отношении имущества, принадлежащего университету, употребляется термин «университетская собственность»,

¹⁹ Общий устав императорских российских университетов // ПСЗ РИ. Собр. II. Т. X. № 8337. СПб. 1835. С. 841.

под которой понималась «сумма, остающаяся от неполного расхода по всем означенным в штате статьям, по истечении года отделяется от штатной и обращается в собственность университета под названием хозяйственной суммы». В то же время расходование вышеназванных денежных средств ограничивалось целевым назначением: только на «непредвиденные надобности». Правоспособность университетов была существенно увеличена, им было предоставлено право иметь в собственности типографии, книжные лавки, аптеки (ст. 123, 125). Более того, согласно ст. 126 университет имел право наследовать имущество сотрудников, умерших бездетными и не оставившими завещания.

Положениями Устава 1835 г. был существенно увеличен объем компетенций попечителя: теперь он имел право контролировать исполнение обязанностей всеми служащими университета, в том числе и ректора, ему было предоставлено право их увольнения. Попечитель утверждал университетские контракты на подряды и поставки на сумму до 10 тысяч рублей (ст. 55).

В гл. VII «Права и преимущества, собственно университетам принадлежащие» закреплялись привилегии университета: освобождение от платежа крепостных и иных пошлин, уплаты весовых денег, квартирной повинности (ст. 118, 119, 123).

Таким образом, по сравнению с предыдущими уставами изменялось соотношение властных полномочий руководящих органов университета, более четко закреплялась имущественная правоспособность университета, а признаки юридического лица были прописаны и закреплены более четко.

Следующим этапом в развитии статуса учебных заведений стал Высочайше утвержденный 18 июня 1863 года «Общий устав императорских российских университетов»²⁰ (далее – Устав 1863 г.). Необходимо отметить, что принятию вышеуказанного Устава предшествовало достаточно активное обсуждение в кругах научной и педагогической общественности его проекта, подготовленного Министерством народного просвещения. Созданный как полноправный субъект публичного права, «университет должен служить учреждением-рассадником высшего теоретического образования в Империи»²¹. В то же время, оценивая поло-

жения Устава 1863 г., А. Д. Степанский полагал, что принятый регламент предоставляет возможность университетам развиваться «не только как учебные заведения, но и как ученые корпорации»²². Существовало мнение, что «в Уставе (1863 г.) был найден оптимальный баланс между университетским самоуправлением и «полезным вниманием государственной власти»²³.

Положениями Устава 1863 г. университетам был предоставлен больший объем самостоятельности в решении внутренних проблем. Министр народного просвещения лишился права назначать по своему усмотрению кого-либо на профессорские должности. Новый документ вновь меняет соотношение властных полномочий органов управления университета, расширяются полномочия совета и университетских собраний, появляются новые должностные лица и управленческие структуры, создается канцелярия института, появляются должности бухгалтера правления, секретарей, появляется штатное расписание, чиновники, служащие по штату и по найму, четко закрепляется структура университета и факультетов. Таким образом, в Уставе 1863 г. четко закрепляется структура университета как самостоятельного юридического лица.

Но в отличие от предыдущих уставов в Уставе 1863 года определение университета не дается. С одной стороны, устав вроде бы предоставлял университетам больше самостоятельности в решении внутренних проблем; так, например, новый устав расширил компетенцию Совета, который теперь не только осуществлял руководство учебным процессом, но и рассматривал и утверждал ежегодные сметы расходов и доходов университета (ст. 42). Но одновременно с этим вопросы об избрании доцентов, лекторов, лаборантов, хранителей кабинетов и музеев, помощников проректора и проректора, инспектора, допущение приват-доцента к чтению лекций, избрание и увольнение должностных лиц, предусмотренных штатным расписанием университета, совет мог производить только с утверждения попечителя. В гл. III Устава, которая так и называлась «О попечителе» и по-прежнему стояла перед главой, посвящен-

²⁰ Общий устав императорских российских университетов // ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXVIII. Ч. I. № 39752. СПб. 1863. С. 621.

²¹ Зипунникова Н.Н. Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени. Российское законодательство об университетах XVIII – начала XX века. Екатеринбург, 2009. С. 122–124.

²² Степанский А.Д. Научные общества при высших учебных заведениях дореволюционной России // Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и СССР. Сборник статей. М., 1979. С. 210.

²³ Бодянский О. М. Трилогия на трилогию. Исторический очерк из современной жизни русского университета // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1873. Кн. 1. С. 3–31.

ной должности ректора, обязанности попечителя были обозначены весьма конкретно: «попечитель учебного округа принимает все нужные по его усмотрению меры, чтобы принадлежащие к университету места и лица исполняли свои обязанности, и в случаях чрезвычайных уполномочивается действовать всеми способами, хотя бы они и превышали его власть»²⁴. Административные полномочия ректора были расширены на всех должностных лиц университета, именно через ректора осуществлялась вся внешняя деятельность университета, в его же ведении находилась большая университетская печать, но, по сути, ректор, являясь высшим должностным лицом в университете, без согласования с советом университета или факультетским собранием не мог объявить даже выговор или замечание провинившимся и нерадивым студентам и преподавателям (ст. 34).

В компетенцию Правления входило решение вопросов, касающихся финансовой деятельности университетов: заключение контрактов на подряды и поставки до 5000 руб., назначение в границах сметы на каждый предмет сверхштатного на один предмет расхода не свыше 300 руб. серебром. С разрешения попечителя правление могло утверждать выдачу из специальных средств сверхштатных расходов на один предмет свыше 300 руб. серебром в год, заключение контрактов на подряды и поставки свыше 5000 руб. С разрешения министра просвещения правление могло утверждать заключение контрактов на подряды и поставки на сумму свыше 7000 руб. и выдачу из специальных средств сверхштатных расходов на один предмет свыше 1000 руб. в год (ст. 51). Именно правление по уставу получало суммы, выделяемые на содержание университета, и деньги от платных студентов за слушание лекций, отвечало за их сохранность и распоряжалось ими. В его компетенцию также входило: выдача стипендий и пособий, контроль за расходом выданных сумм, отчетность по ним и т. д. При этом все перечисленные вопросы Правление решало самостоятельно, без согласования с Советом университета, который только утверждал смету ежегодных доходов и расходов, предоставляемых правлением.

Получает новое развитие административная юрисдикция университета – университетский суд. Его рассмотрению подлежали дела, связанные с нарушением порядка в зданиях и учреждениях университета, конфликтами между долж-

ностными лицами университета, преподавателями и студентами, независимо от места конфликта (ст. 58, 59)²⁵.

С точки зрения анализа Устава 1863 г. на наличие черт юридического лица важно отметить, что в нем впервые указывается на то, что университет имеет право приобретать на праве полной собственности движимое и недвижимое имущество (ст. 135), а источником доходов университета могут служить сдаваемые внаем принадлежащие ему здания (ст. 131). Университеты могли иметь собственные книжные лавки, типографии, а тем университетам, в составе которых были медицинские факультеты, позволялось содержать свои аптеки. Все эти предприятия приносили доход университетам, но они не считались самостоятельными юридическими лицами. За университетом также была сохранена имеющаяся в предыдущем уставе норма, позволяющая ему выступать в качестве наследника бездетно умерших сотрудников (ст. 134).

Дальнейшее развитие университетов было продолжено Уставом, утвержденным 23 августа 1884 года²⁶. Новый устав прямо отказывается от начал коллегиальности, являвшейся в том или ином виде неотъемлемой чертой трех предыдущих уставов. В ст. 5 первого отдела прямо указывается, что «Непосредственное управление университетом принадлежит ректору, при участии в подлежащих случаях: совета, правления, собраний и деканов факультетов, инспектора студентов и его помощника». Существенно, по сравнению с предыдущими уставами, расширяются полномочия попечителя. Ограничиваются полномочия Совета университета и советов факультетов. А вот права и полномочия правления не изменяются. Оно по-прежнему продолжает руководить всей финансово-хозяйственной деятельностью университета.

Автор не считает нужным останавливаться на более глубоком анализе данного документа, поскольку для целей данного исследования в этом нет необходимости. Основные положения, позволяющие характеризовать российские императорские университеты как самостоятельные субъекты права и юридические лица, были сформулированы и закреплены в предыдущих уставах. В Уставе 1884 года в разделе «права, принадлежащие университету», в ст. 143, закрепляется право университетов самостоятельно приобретать на

²⁴ Общий устав императорских российских университетов // ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXVIII. Ч. I. СПб. № 39752. 1863. С. 625

²⁵ Общий устав императорских российских университетов // ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXVIII. Ч. I. СПб. 1863. № 39752. С. 629.

²⁶ Общий устав императорских российских университетов // ПСЗ РИ. Собр. III. Т. IV. СПб. 1884. № 2404. С. 457.

праве полной собственности движимое и недвижимое имущество, в ст. 145 добавляется норма о праве университетов с разрешения Министра народного просвещения учреждать ученые общества²⁷, а также ст. 147, в которой указывается, что доходы, приносимые принадлежащим университетам имуществом, кроме тех доходов, которые отнесены к специальным средствам университетов, поступают в казну на общем основании. Плата, взимаемая со студентов и слушателей в пользу университетов, а также прочие специальные средства университетов составляли неотъемле-

мую их собственность и могли употребляться на университетские нужды.

Таким образом, университеты являлись самостоятельными юридическими лицами публичного права. Проведенный выше анализ уставов российских университетов позволяет сделать однозначный вывод о том, что учредительными документами была урегулирована имущественная правоспособность университетов, причем все последующие уставы углубляли и детализировали положения предыдущих уставов в сфере деятельности университетов.

Литература

1. Рыбаков О.Ю., Лядацева-Ильичева М.Н., Желдыбина Т.А. Частное и публичное право в России XIX – начале XX веков (историко-теоретический аспект) // *Lex Russica*. 2010. № 5. С. 931–950.
2. Капралова Е.В., Голованова В. Ф. Политико-правовое регулирование высших учебных заведений в до-революционной России // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2011. № 4. С. 270.

²⁷ Общий устав императорских российских университетов. № 2404. С. 472 // ПСЗ РИ. Собр. III. Т. IV. СПб. 1884.

МОДЕЛЬ УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМАХ ДИСТАНЦИОННОГО МОНИТОРИНГА СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Кривошеева Д.А.*

Аннотация. В статье рассмотрена проблема обеспечения защиты данных в системах дистанционного мониторинга. Была проанализирована модель возможных угроз для системы дистанционного мониторинга состояния здоровья человека. Продемонстрировано, что соответствующая обработка биосигналов, полученных с датчиков, дает возможность получить все требующиеся данные для построения криптографических ключей.

Ключевые слова: информационная безопасность, физиологические данные, мобильный комплекс, криптографические ключи, математическая модель.

ВВЕДЕНИЕ

В наши дни идет активное создание виртуальных инфраструктур здравоохранения, объединяющие все составляющие элементы системы охраны здоровья населения на базе единого информационного пространства (ЕИП) [1-3]. Виртуальные инфраструктуры здравоохранения повышают эффективность информационного обмена между органами управления системы здравоохранения и лечебно-профилактическими учреждениями (ЛПУ) и способствуют развитию телемедицинских услуг, что в свою очередь помогает создавать удаленный доступ к медицинским информационным системам (МИС), а также ускоряет и облегчает запись пациентов на прием к врачам. В России наиболее крупные медицинские информационно-аналитические центры используют различные платформы виртуализации (например, VMware vSphere) для развертывания площадки своих центров обработки данных, а также создают инфраструктуру виртуальных рабочих мест для работников ЛПУ, предоставляя им прямой доступ к МИС. В первую очередь в виртуальную среду переносятся различные инфраструктурные сервисы и приложения, которые необходимы для обработки биомедицинской информации.

Создаваемые виртуальные инфраструктуры способствуют решению задачи непрерывного дистанционного мониторинга состояния здоровья человека. В свою очередь, возникает вопрос с обеспечением целостности, конфиденциальности и доступности передаваемых физиологических данных.

1. ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ДАННЫХ В СИСТЕМАХ МОНИТОРИНГА

Развитие микроэлектроники и телекоммуникаций позволяют сделать человека частью единого информационного пространства системы здравоохранения, в независимости от его местоположения [1-3]. Сделать это можно, например, путём регистрации биосигналов человека с помощью датчиков, вмонтированных в натальную одежду [4-6]. Получаемые биосигналы должны передаваться по защищенным каналам связи в медицинские центры мониторинга и обработки данных (рис. 1), где с помощью математических моделей элементов и подсистем организма создаётся виртуальный физиологический образ пациента, описывающий физиологическую деятельность всех подсистем человека [7, 8].

Для хранения, вычисления и визуализация данных, собранных системой дистанционного мониторинга состояния человека, требуют значительные вычислительные ресурсы, которые могут быть предоставлены виртуальной инфраструктурой с помощью облачных технологий [9, 10]. Существует несколько способов передачи данных от датчика к облаку, датчики могут отправлять данные на облако напрямую, либо через промежуточные базовые станции. Медицинский персонал и пользователь могут просматривать собранную медицинскую информацию непосредственно из облака с помощью смартфона или через Интернет в режиме реального времени и принимать решения в соответствии с текущим функциональным состоянием человека (рис. 2).

* Кривошеева Д.А. студ. кафедры информационной безопасности Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, Россия, г. Москва

E-mail: d.krivosheeva@npo-echelon.ru

Модель угроз безопасности в системах дистанционного мониторинга...

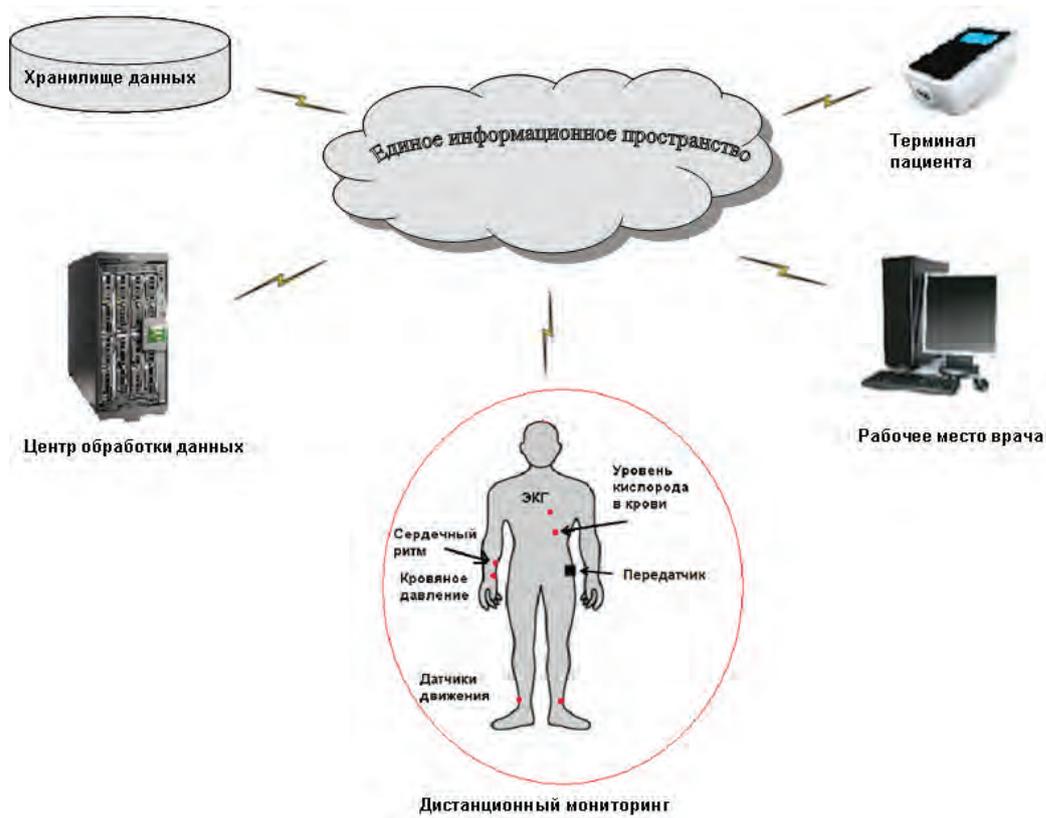

Рис. 1. Дистанционный мониторинг состояния человека на основе ЕИП

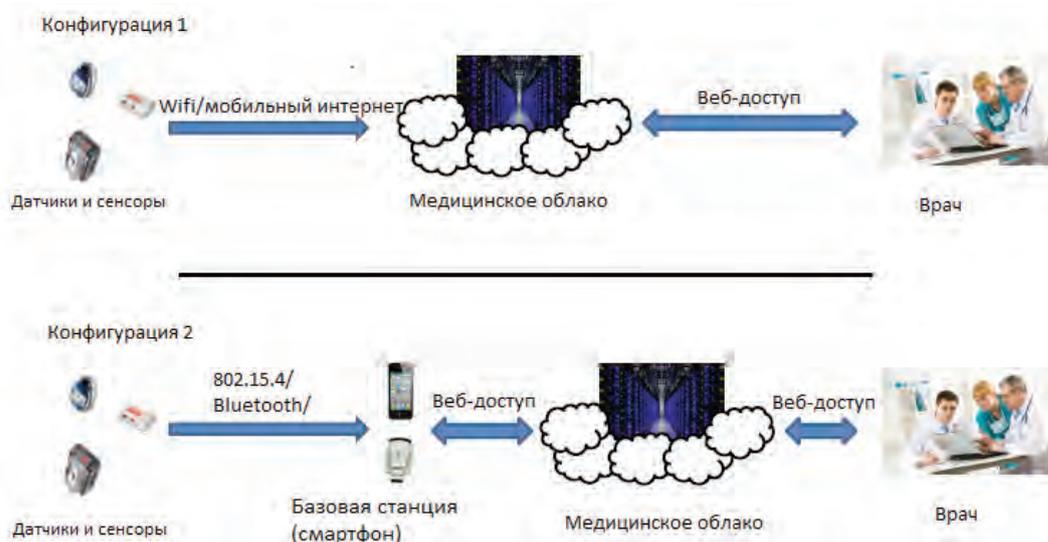

Рис. 2. Конфигурации мобильной системы дистанционного мониторинга

В настоящее время существуют различные датчики для мониторинга физического состояния человека. Наиболее распространенными являются датчики ЭКГ, пульсометры и датчики частоты дыхательных движений.

Современные пульсометры обычно состоят из нательного датчика и мобильного телефона (Рис. 3). Принцип работы пульсометра основывается на измерении разности потенциалов в момент сокращения сердечной мышцы. Пульсометр

Рис. 3. Пульсометр

передает электронные сигналы работы сердца, которые возникают из-за сокращения или ударов, непосредственно от самого датчика к принимающему устройству, которое эти сигналы и обрабатывает. В результате на экране мобильного телефона пользователь видит то значение частоты сердечных сокращений, которое у него есть в данный момент.

Мобильные датчики ЭКГ (рис. 4) способны визуализировать ЭКГ в сжатом формате, что дает возможность наглядно показать предсердные нарушения, проанализировать апноэ и сделать обзор аритмии (рис. 5). Форма волн электродиаграммы зависит от электрической активации, которая состоит из P, Q, R, S, T. P – электрическая волна (подпись электрического тока) которая создает предсердное сжатие. И левое, и правое сжатие одновременно могут показать аритмию. Имеет отношение к совокупности QRS, показывающей наличие сердечной блокировки. Совокупность QRS соответствует электрическому току, который является причиной сжатия левого и правого желудочка, который намного мощнее, чем артерия и влечет за собой работу мышечной массы. Это является результатом наибольшего отклонения ЭКГ. Волна Q представляет собой маленький горизонтальный электрический заряд, который проходит через межжелудочковую перегородку. Очень широкая и глубокая волна Q не имеет отношения к перегородке, но указывает на инфаркт миокарда. Волны R и S показывают сжатие сердечной мышцы. Аномалии в совокупности QRS могут указывать на вентрикулярный источник тахикардии, желудочковую гипертрофию или вентрикулярные аномалии. Совокупность в перикардите обычно маленькая.

Рис. 4. Нагрудный датчик ЭКГ

T-волна, показывающая диполляризацию желудочков. Совокупность QRS затемняет артериальную диполляризацию волны так, что обычно ее не видно. Электрически, сердечно-мышечные клетки напоминают нагруженные пружины. Маленький импульс дает им встать на место, они диполляризируются и затем возникает связь.

Датчик частоты дыхательных движений предназначен для исследования процесса дыхания человека. С его помощью можно определить частоту и период дыхательных движений. Он также может быть использован для оценки продолжительности вдоха и выдоха человека. Датчик частоты дыхательных движений представляет собой пояс из неаллергенного материала. Внутри пояса встроена полая резиновая камера, к выходам которой подсоединяется датчик давления газа. Объем воздуха в камере регулируется с помощью резиновой груши. Пояс датчика закрепляется вокруг груди человека. При вдохе грудная клетка расширяется, что приводит к увеличению давления воздуха внутри камеры. При выдохе объем грудной клетки уменьшается и, следовательно, уменьшается давление внутри камеры. Изменения давления воздуха в камере за полный период дыхательного движения фиксируются датчиком давления газа. В дальнейшем сигнал от датчика давления может быть обработан и результаты измерений преобразованы в значение частоты и периода дыхательных движений человека.

Рассмотрим возможные угрозы информационной безопасности применительно ко всем составляющим системы мониторинга:

- датчики: все датчики, входящие в систему, должны быть надежны, в этом случае злоу-

- мышленник не сможет получить доступ к датчику и при этом остаться незамеченным;
- коммуникации: коммуникационная связь в системе является ненадежной. Злоумышленники могут подслушивать все виды разговоров, а также исказить сигналы. При этом не должно быть никаких помех и отказов в обслуживании и взаимодействии устройств, авторизованных в системе;
- базовая станция: даже если злоумышленник не имеет возможности физически воздействовать на датчик, он может повлиять на работу базовую станцию. К примеру, если базовая станция установлена на смартфоне, то злоумышленники могут взломать приложение на нем;
- облако: медицинское облако должно являться надежным. Обслуживающий персонал только после успешной авторизации сможет получить доступ к информации о пациенте;
- обслуживающий персонал или пациент: предполагается, что они не откроют доступ к информации под влиянием злоумышленников;
- тело пациента: допускается, что злоумышленник может иметь физический контакт с пользователем мобильной системы (например, пожать руку пациента), поэтому электрические биосигналы пользователя могут быть искажены сигналами злоумышленника. Однако злоумышленник не может внедрить вредоносные датчики в систему. Кроме того, предполагается, что вся информация о состоянии здоровья пациента в прошлом неизвестна злоумышленнику.

Таким образом, анализ модели угроз показал, что существует проблема обеспечения информационной безопасности данных пациентов, передаваемых от датчика в облако. В мобильной измерительной системе обеспечение безопасности личных медицинских данных при передаче через коммуникационный канал от датчиков к облачной медицинской базе данных имеет решающее значение. В связи с этим для защиты передаваемых персональных данных необходимо выбрать способ распределения криптографических ключей между датчиком и облаком для обеспечения зашифрованности и целостности данных.

2. ТРАДИЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ СИСТЕМ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Канал связи «датчик-облако» является наиболее уязвимым с точки зрения защиты информации.

Часто используемый в таких случаях протокол защиты *E2E (end-to-end)* работает путем задания и последующего распределения криптографических ключей между датчиками и облаком. Этот протокол обеспечивает конфиденциальность и целостность данных. Этот же ключ в дальнейшем можно будет использовать для взаимной проверки подлинности сообщения. Основной проблемой является возможность конфиденциального распределения ключей для пользователя. Для пациента данная процедура должна быть понятной и несложной. В идеальном случае пациент не должен вообще заботиться о ключе.

Все традиционные подходы к обеспечению безопасности систем здравоохранения основываются на асимметричных криптосистемах.

Асимметричное шифрование использует два разных ключа: один для шифрования (который также называется открытым), другой для дешифрования (называется закрытым или секретным). Несмотря на то, что данный подход является достаточно надежным в вопросе обеспечения конфиденциальности и целостности передаваемых данных, он оказывается дорогим для регулярного обмена данными в режиме реального времени, т.к. требует больших затрат ресурсов и времени. Кроме того, асимметричная криптография умеет некоторые уязвимости и для ее использования необходимы дополнительные механизмы аутентификации. В связи с этим в системах дистанционного мониторинга нецелесообразно использовать асимметричное шифрование.

Альтернативным подходом к защите передаваемых данных является метод создания парных симметричных ключей для датчика и приемника.

В симметричных криптосистемах применяется один и тот же криптографический ключ для шифрования и дешифрования, который никто должен сохраняться в секрете обеими сторонами. В результате получаем, что алгоритмы с закрытым ключом работают на три порядка быстрее алгоритмов с открытым ключом, что очень важно для телемедицинских систем реального времени. Однако существенным недостатком симметричных шифров является невозможность их использования для подтверждения авторства, так как ключ известен каждой стороне.

Для повышения надежности симметричных криптографических ключей и уменьшения нагрузки на пациента в ряде работ предложено использовать регистрируемые датчиками биосигналы, которые отражают физиологические особенности

пациента и могут использоваться для сокрытия информации [10].

Такой подход основывается на следующих положениях:

1. физиологические сигналы сложны, изменчивы, достаточно уникальны. Вместе с тем существуют характеристики, отражающие морфологию сигнала, которые относительно стабильны. Например, исследования показали, что для сигналов ЭКГ (электрокардиограммы) и ФПК (фотоплетизмограммы) морфологические параметры (в отличие от временных параметров) меняются очень медленно на протяжении жизни человека и, следовательно, могут интерпретироваться как «физиологическая» подпись;
2. физиологические сигналы могут быть искусственно сгенерированы с помощью генератора модельного сигнала при условии, что данная модель верно построена на основе информации о состоянии человека.

Отмеченные свойства биосигналов позволяют использовать их для создания ключей. Необходимая информация (морфологические особенности биосигналов конкретного человека) извлекается при первой регистрации сигналов. Далее необходимо выбрать метод построения модели для генерации искусственных физиологических сигналов.

Разные датчики, регистрируя биосигналы (например, ФПК и ЭКГ), могут использовать общие физиологические особенности, чтобы скрыть и отобразить секретный ключ. В рассматриваемой системе один датчик (отправитель) генерирует случайный ключ и скрывает его в криптографической конструкции, называемой хранилищем, с помощью частотных сигналов, полученных на основе зарегистрированных биосигналов. В свою очередь хранилище передает данные в другой датчик (приемник), который использует свой собственный набор частотных сигналов. Данный набор частотных сигналов получается в результате одновременного измерения биосигналов «приемника» вместе с «отправителем» с целью сокрытия случайного ключа.

Протокол PEES [10] не требует априорного распределения ключей. Для создания безопасной E2E связи достаточно простой установки датчиков на пользователе. В облаке, внутри хранилища, находится диагностический эквивалент биосигналов в форме временных рядов, созданных с помощью модельного генератора, который должен быть настроен согласно физиологическим данным пользователя (рис. 6).

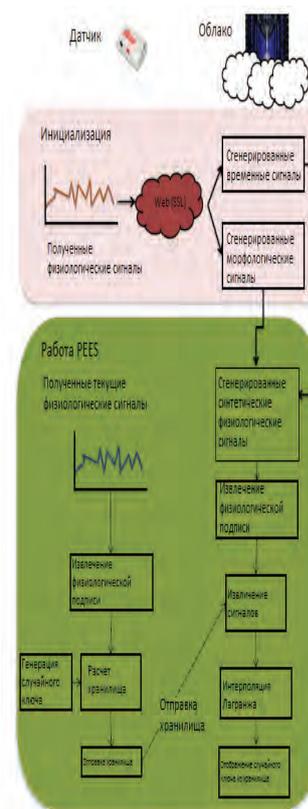

Рис. 6. Обеспечение информационной безопасности с использованием протокола PEES

Отметим, что по существу в приведенном примере применялся подбор функциональных зависимостей по виду регистрируемых биосигналов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основным недостатком рассмотренного выше примера является большое количество морфологических параметров, которые надо рассматривать как многомерный характеристический вектор. Изменение даже одного параметра описывает уже другую морфологическую форму. Если учесть, что расчет указанных морфологических параметров с использованием метода наименьших квадратов является плохо обусловленной задачей, то приходим к выводу, что на практике морфологический вектор не отличается необходимой стабильностью.

В связи с этим предлагается в качестве морфологических признаков использовать не отдельные параметры временной кривой, а математическую модель генератора биосигнала в форме системы дифференциальных уравнений. Морфологическими признаками в этом случае

является как сама структура модели, так и ее параметры. Задача определения морфологических признаков в этом случае сводится к задаче реконструкции модели системы, которая генерирует временные ряды, диагностически экви-

валентные исходным сигналам. Более детально данный метод рассмотрен в статье «Обеспечение информационной безопасности в телемедицинских системах на основе модельного подхода» [11, 12].

Литература

1. Развитие системы электронных услуг муниципальной поликлиники (на основе анализа зарубежных web-ресурсов) / А.В. Ланцберг, К. Тройч, Т.И. Булдакова // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2011. № 4. С. 1-7.
2. Paradiso R., Loriga G., Taccini N. A Wearable Health Care System Based on Knitted Integrated Sensors // IEEE Transactions on Information Technology in Biomedicine. 2005. Vol. 9, No. 3. Pp. 337-344.
3. Winters J., Wang Y. Wearable Sensors and Telerehabilitation // IEEE Engineering in Medicine and Biology Magazine. 2003. No. 3. Pp. 56-65.
4. Prado M., Roa L., Reina-Tosina J. Virtual Center for Renal Support: Technological Approach to Patient Physiological Image // IEEE Transaction on biomedical engineering. 2002. Vol. 49, №12. Pp.1420-1430.
5. Булдакова Т.И., Коблов А.В., Суятинов С.И. Информационно-измерительный комплекс совместной регистрации и обработки биосигналов // Приборы и системы. Управление, контроль, диагностика. 2008. № 6. С. 41-46.
6. Программно-аналитический комплекс модельной обработки биосигналов / Т.И. Булдакова, В.И. Грид-нев, К.И. Кириллов и др. Биомедицинская радиоэлектроника. 2009. № 1. С. 71-78.
7. Моделирование связей в системе «сердце-сосуды» / Н.С. Булдаков, Н.С. Самочетова, А.С. Ситников, С.И. Суятинов // Наука и образование: электронное научно-техническое издание. 2013. № 1. С. 123-134.
8. Баевский Р.М. Проблема оценки и прогнозирования функционального состояния организма и ее развитие в космической медицине // Успехи физиологических наук. 2006. Т. 37, № 3. С. 42-57.
9. Методика идентификации сложных систем / А.В. Коблов, А.В. Ланцберг, Н.С. Самочетова, С.И. Суятинов // Вестник СГТУ. 2007. №4 (27). С. 31-37.
10. Banerjee A., Gupta S.K.S., Venkatasubramanian K.K. PEES: Physiology-based End-to-End Security for mHealth // Proceedings of the 4th Conference on Wireless Health. 2013. Article No. 2.
11. Булдакова Т.И., Суятинов С.И., Кривошеева Д.А. Обеспечение информационной безопасности в телемедицинских системах на основе модельного подхода // Вопросы кибербезопасности. 2014. № 5(8). С. 21-29.
12. Булдакова Т.И., Кривошеева Д.А. Угрозы безопасности в системах дистанционного мониторинга // Вопросы кибербезопасности. 2015. № 5(13). С. 45-50.

ABSTRACTS, KEYWORDS AND REFERENCES

PROTECTING INFORMATION AGAINST LEAKAGE THROUGH THE UNINTENTIONAL ELECTROMAGNETIC EMISSIONS CHANNEL

Sergei Artamoshin, Head of the Information Security Division of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Russian Federation, Moscow.

E-mail: asa_66@mail.ru

Abstract. *An overview of the historical development of methods and means for protection of information against leakage through the unintentional electromagnetic emissions channel is presented. Recommendations for improving the efficiency of protection are given.*

Keywords: *unintentional electromagnetic emissions, unintentional electromagnetic emissions channel, protected computing device, information leakage through technical channels, space noise masking, active means of protecting information against leakage through unintentional electromagnetic emissions.*

References

1. Atagimova E.I., Makarenko G.I., Fedichev A.V. Informatsionnaia bezopasnost'. Terminologicheskii slovar' v opredeleniakh deistvuiushchego zakonodatel'stva, M., FBU NTsPI pri Miniuste Rossii, 2016, 448 pp.
2. Khorev A.A. Tekhnicheskie kanaly utechki informatsii, obrabatyvaemoi tekhnicheskimi sredstvami, Spetsial'naia tekhnika, 2004, No. 2.
3. Zemlianukhin P.A., Zemlianukhin A.P., Gatsenko A.V. Maskirovka informatsionnykh izluchenii radiotekhnicheskikh ustroystv, Informatsionnoe protivodeistvie ugrozam terrorizma, Taganrog, 2005, No. 3.

SOCIAL CONDITIONEDNESS OF THE CRIMINAL LAW BAN AND ITS IMPLEMENTATION IN THE LAW

El'mira Atagimova, Ph.D. in Law, Head of the Research Department of the Federal State-Funded Institution "Scientific Centre for Legal Information under the Ministry of Justice of the Russian Federation", Russian Federation, Moscow.

E-mail: atagimova75@mail.ru

Anna Potemkina, Ph.D. in Law, Associate Professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the Faculty of Law of the Russian Customs Academy, Russian Federation, Moscow.

E-mail: potemkina.an@yandex.ru

Indira Tsopanova, Ph.D. in Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law and Professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the Faculty of Law of the Russian Customs Academy, Russian Federation, Moscow.

E-mail: iriston.15@mail.ru

Abstract. *Different approaches to the definition of justification for the criminalisation and decriminalisation of acts are analysed in the paper. The authors consistently expound on the reasons for the discrepancy (or insufficiency)*

of social conditionedness of criminal law regulations. Problems related to the implementation of criminal liability based on regulations containing blanket descriptions of elements of offence are highlighted. Concrete examples of insufficient justification for imposing a criminal law ban are given. The authors come to the conclusion that the only justification for the criminalisation of acts shall be the existence of public danger which entails the need to introduce a criminal law ban, whereas the absence of public danger shall entail the decriminalisation of the act. Taking as an example Article 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation where such an act as mediation in bribery has been criminalised, the authors advance the opinion that the criminal law ban being introduced is not sufficiently harmonised with already existing provisions of the general part of the criminal law as well as other branches of law.

Keywords: *law, legislation, offence, punishment, social justice, criminal law ban, law regulation, criminal liability, elements of offence, criminalisation, decriminalisation.*

References

1. Atagimova E.I., Potemkina A.T., Tsopanova I.G. *Sovremennye tendentsii v ugolovnom prave*, Monitoring pravoprimeneniia, 2015, No. 3.
2. Talan M., Tarkhanov I. *Posrednichestvo vo vziatochnichestve v ugolovnom prave Rossii*, Ugolovnoe pravo, 2013, No. 5.
3. Babaev M.M. *O kontseptsii ugolovnoi politiki*, Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 15-letiiu iuridicheskogo fakul'teta MGOU 19 ianvaria, 2008, M., 2009.

FAMILY UPBRINGING OF MINORS: A HIGH-PRIORITY GUIDELINE IN THE GOVERNMENT LEGAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ol'ga Rostova, Ph.D. in Law, Head of the Research Laboratory for Juridical Technique and Expert Assessment of Normative Legal Instruments and Other Documents of the Federal State-Funded Institution "Scientific Centre for Legal Information of the Ministry of Justice of the Russian Federation", Russian Federation, Moscow.

E-mail: rostova21@yandex.ru

Abstract. *In this paper the author examines a high-priority guideline in the implementation of the government legal policy of the Russian Federation in the field of raising the value of family upbringing of minors, popularising the family way of life, strengthening the role of the institution of responsible parenthood. The principle of family upbringing of children as a high-priority guideline in the government family policy is justified. The author examines the guidelines of implementing different forms of socio-economic aid for families with children, multiple children, creating favourable conditions for birth rate increase, protection of motherhood and childhood, strengthening the institution of Russian family. The family is considered as a priority form for upbringing and accommodation of orphans and legally free children.*

Keywords: *interests of the child, orphan children, family values, motherhood, fatherhood, parenthood, upbringing of minors, government family policy, socio-economic aid for families with children.*

References

1. Nechaeva A.M. *Rebenok i obshchestvo*, Sotsial'no-iuridicheskaja tetrad', 2012, No. 2, pp. 5-26.
2. Kovalenko S.V., Sazonova L.A., Sokoliuk N.V. *Materinstvo i vlast' v kontekste sovetsoi totalitarnoi ideologii*, Obshchestvo: filosofia, istoriia, kul'tura, 2011, No. 1-2, pp. 89-95.
3. Rostova O.S. *Periodizatsiia semeino-pravovoi politiki Sovetskogo gosudarstva*, Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava, 2011, No. 6 (82), pp. 68-72.
4. Nechaeva A.M. *Zashchita interesov rebenka v mnogodetnoi sem'e*, Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika, 2012, No. 6, pp. 59-67.

5. Rybakov O.Iu. Tsennostnye izmereniia rossiiskoi pravovoi politiki, Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii, 2012, dopolnitel'nyi vypusk (85), pp. 11-17.
6. Atagimova E.I. Sem'ia kak osnovnoi institut vliianiia na formirovanie nravstvennosti i pozitivnogo pravosoznaniia u podrastaiushchego pokoleniia, Aktual'nye problemy stroitel'stva pravovogo gosudarstva v Azerbaidzhane: filosofskii, sotsiologicheskii i pravovoi analiz i prognozirovaniie, Materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Baku, 23-24 oktiabria 2014 goda), p. 161.

CONFIDENTIALITY IN INTERNET COMMUNICATION: PERSONALITY ASPECTS

*Alina Guseva, Donetsk National University, Donetsk, Ukraine.
E-mail: alyna201073@gmail.com*

Abstract. *The paper examines a basic concept of cybersecurity, confidentiality, as well as ways to ensure it. The personality aspect of ensuring information security and possible risks and threats for a common Internet user is touched upon. The problem of integrity of personal data of Internet blog users is raised and ways to solve it are shown taking a specific site as an example. An analysis of personal information and possibilities of unauthorised access to it is carried out. Ways of nomination of Internet users are considered, the login and Internet nickname being identified as the main ones. An analysis of Internet nicknames from the standpoint of their correlation with the anthroponymical formula is carried out and the main criteria for their classification are identified. A conclusion on the need for a systematic and comprehensive solution of the problem of protecting users' personal information is made.*

Keywords: *cybersecurity, Internet communication, Internet nickname, login, anthroponymical formula, personal information.*

References

1. Borodakii Iu.V., Dobrodeev A.Iu., Butusov I.V. Kiberbezopasnost' kak osnovnoi faktor natsional'noi i mezhdunarodnoi bezopasnosti XXI veka (Chast' 1), Voprosy kiberbezopasnosti, 2014, No. 1 (2), pp. 5-12.
2. Markov A.S., Tsirlov V.L. Rukovodiashchie ukazaniia po kiberbezopasnosti v kontekste ISO 27032, Voprosy kiberbezopasnosti, 2014, No. 1 (2), pp. 28-35.
3. Markov A.S. Letopisi kibervoin i velichaishego v istorii pereraspredeleniia bogatstva, Voprosy kiberbezopasnosti, 2016, No. 1 (14), pp. 68-74.
4. Lukinova O.V. Semanticheskoe opisanie faktorov bezopasnosti informatsionnykh sistem pri proektirovanii sistem zashchity, Sistemy vysokoi dostupnosti, 2013, t. 9, No. 3, pp. 149-156.
5. Matveev V.A., Tsirlov V.L. Sostoianie i perspektivy razvitiia industrii informatsionnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii v 2014 g., Voprosy kiberbezopasnosti, 2013, No. 1 (1), pp. 61-64.
6. Gattarov R.U. Kontseptsiiia strategii kiberbezopasnosti, Voprosy kiberbezopasnosti, 2014, No. 1 (2), pp. 2-4.
7. Brodovskaia E.V. Vliianie Internet-kommunikatsii na formirovanie tsennostnykh orientatsii rossiiskoi molodezhi. Prilozhenie k nauchnomu otchetu. M.: FGBOU VPO "Moskovskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet im. M.A. Sholokhova", 2013, 119 pp., URL: http://mggu-sh.ru/sites/default/files/nauchnyy_otchet_brodovskaya_e.v..pdf.
8. Nechaev V.D., Brodovskaya E.V., Dmitrieva O.V. Russia in the World Internet Project 2012: The Main Results of Research, Middle-East Journal of Scientific Research, 2013, No. 15 (11), pp. 1511-1520.
9. Akhrenova N.A. Lingvisticheskie osobennosti setevykh imen, Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009, No. 34, pp. 5-10.
10. Ermolovich D.I. Imena sobstvennye na styke iazykov i kul'tur. M.: R.Valent, 2001, 200 pp.
11. Asmus N.G. Lingvisticheskie osobennosti virtual'nogo kommunikativnogo prostranstva: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk, Cheliabinskii gosudarstvennyi universitet, Cheliabinsk, 2005, 23 pp.

HISTORY OF INFORMATION TECHNOLOGY LAW. 20TH CENTURY. THE BEGINNING

Elena Gorbacheva, Deputy Head of the Editorial and Publishing Division of the Federal State-Funded Institution "Scientific Centre for Legal Information under the Ministry of Justice of the Russian Federation", Russian Federation, Moscow.

E-mail: struniny@yandex.ru

Abstract. *The paper describes the formation stages of laws regulating issues of information, legal information, and informatisation beginning from the middle of the 20th century. The first normative legal instruments that reflected the problems of the emerging information society are listed.*

Keywords: *information, legal information, informatisation, history, 20th century, information society, access to information, information protection, information security, legal regime of information, Scientific Centre for Legal Information, laws of the USA, law of the Federal Republic of Germany.*

References

1. Sait Nauchnogo tsentra pravovoi informatsii, URL: <http://www.scli.ru>.
2. Zakonodatel'nyi uroven' informatsionnoi bezopasnosti, URL: <http://pki-exam.narod.ru/ib/t4/index.html>.
3. Kopylov V.A. Informatsionnoe pravo, M., 2002, 512 pp.

VALUE OF INFORMATION AT DIFFERENT STAGES OF ITS LIFE CYCLE

Sergei Bochkov, Chairman of the Board of the Non-Commercial Partnership "Nepravitel'stvennyi innovatsionnyi tsentr", Russian Federation, Moscow.

E-mail: vss-05@mail.ru

Abstract. *In the world of today it has already been recognised that information is in itself a resource whose value is almost always higher than that of the media where this information is stored. The goal of this paper is studying the issue of value of information at different periods within its life cycle. The topicality of issues under consideration for legal information is related to choosing proper means for its protection in automated systems. Principles for evaluating the costs of modernisation of legal information retrieval systems considering modern security threats are put forth.*

Keywords: *automated system, legal information, strategic planning, value of information, information security threats.*

References

1. Bochkov S.I. Problemy pravovogo regulirovaniia nauchnoi deiatel'nosti, M.: Izdatel'skii dom "Mediatsentr", 2015 g.
2. Bochkov S.I. Poniatie i svoistva informatsionnykh resursov, Setevoe izdanie "Vizantiiskii kovcheg", URL: <http://vizkov.ru/science/issledovaniya.html?limit=7&start=14>
3. Ofitsial'noe elektronnoe opublikovanie. Istoriia / Podkhody / Perspektivy, pod redaktsiei Zasluzhennogo iurista Rossiiskoi Federatsii, doktora iuridicheskikh nauk, professora Natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta "Vysshiaia shkola ekonomiki" V.B. Isakova, M.: Formula prava, 2012.

LEGAL STATUS OF UNIVERSITIES IN THE RUSSIAN EMPIRE

Sergei Nikiforov, external Ph.D. student at the Department of Theory and History of State & Law and Philosophy of the Federal State-Funded Institution "All-Russian University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia)", Russian Federation, Moscow.

E-mail: s.nikiforov@gazbank.ru

Abstract. An analysis of the legal status of the first Russian universities as rightful subjects in public law relations is given in the paper. Based on a detailed analysis of constitutional documents of the Saint Petersburg Academy of Sciences, the Statutes, Ordinances and Regulations of Moscow, Kazan, and Kharkov Universities as well as later Statutes, Ordinances and Regulations the conclusion is made that educational institutions had the status of juridical persons of public law. The genesis of organisational and legal structure, redistribution of authoritative powers of governing bodies of universities, specific features of their legal capacity in property relationships over 18th-19th century are traced.

Keywords: juridical persons, public law, Russian universities, historical and legal analysis.

References

1. Rybakov O.Iu., Liadashcheva-Il'icheva M.N., Zheldybina T.A. Chastnoe i publichnoe pravo v Rossii XIX - nachale XX vekov (istoriko-teoreticheskii aspekt), Lex Russica, 2010, No. 5, pp. 931-950.
2. Kapralova E.V., Golovanova V. F. Politiko-pravovoe regulirovanie vysshikh uchebnykh zavedenii v dorevoliutsionnoi Rossii, Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, 2011, No. 4, p. 270.

MODEL OF SECURITY THREATS IN REMOTE HEALTH MONITORING SYSTEMS

Darina Krivosheeva, student at the Information Security Department of Bauman Moscow State Technical University, Russian Federation, Moscow.

E-mail: d.krivosheeva@npo-echelon.ru

Abstract. The article considers the problem of ensuring data security in telemedicine systems. The model of possible threats to mobile systems, providing continuous monitoring of a person on basis of registered biosignals is received. It is shown that the corresponding processing allows to obtain the necessary information for constructing cryptographic keys.

Keywords: protection of information, telemedicine, mobile measuring system, biosignals, reconstruction of system model.

References

1. Razvitie sistemy elektronnykh uslug munitsipal'noi polikliniki (na osnove analiza zarubezhnykh web-resursov), A.V. Lantsberg, K. Troich, T.I. Buldakova, Nauchno-tekhnicheskaiia informatsiia, Serii 2: Informatsionnye protsessy i sistemy, 2011, No. 4, pp. 1-7.
2. Paradiso R., Loriga G., Taccini N. A Wearable Health Care System Based on Knitted Integrated Sensors, IEEE Transactions on Information Technology in Biomedicine, 2005. Vol. 9, No. 3, pp. 337-344.
3. Winters J., Wang Y. Wearable Sensors and Telerehabilitation, IEEE Engineering in Medicine and Biology Magazine, 2003. No. 3, pp. 56-65.
4. Prado M., Roa L., Reina-Tosina J. Virtual Center for Renal Support: Technological Approach to Patient Physiological Image, IEEE Transaction on biomedical engineering, 2002. Vol. 49, No. 12, pp. 1420-1430.
5. Buldakova T.I., Koblov A.V., Suiatinov S.I. Informatsionno-izmeritel'nyi kompleks sovместnoi registratsii i obrabotki biosignalov, Pribory i sistemy. Upravlenie, kontrol', diagnostika, 2008, No. 6, pp. 41-46.

6. Programmno-analiticheskii kompleks model'noi obrabotki biosignalov, T.I. Buldakova, V.I. Gridnev, K.I. Kirillov i dr., Biomeditsinskaia radioelektronika, 2009, No. 1, pp. 71-78.
7. Modelirovanie svyazi v sisteme "serdtse-sosudy", N.S. Buldakov, N.S. Samochetova, A.S. Sitnikov, S.I. Suiatinov, Nauka i obrazovanie: elektronnoe nauchno-tehnicheskoe izdanie, 2013, No. 1, pp. 123-134.
8. Baevskii R.M. Problema otsenki i prognozirovaniia funktsional'nogo sostoianiia organizma i ee razvitie v kosmicheskoi meditsine, Uspekhi fiziologicheskikh nauk, 2006, t. 37, No. 3, pp. 42-57.
9. Metodika identifikatsii slozhnykh sistem, A.V. Koblov, A.V. Lantsberg, N.S. Samochetova, S.I. Suiatinov, Vestnik SGTU, 2007, No. 4 (27), pp. 31-37.
10. Banerjee A., Gupta S.K.S., Venkatasubramanian K.K. PEES: Physiology-based End-to-End Security for mHealth, Proceedings of the 4th Conference on Wireless Health, 2013, Article No. 2.
11. Buldakova T.I., Suiatinov S.I., Krivosheeva D.A. Obespechenie informatsionnoi bezopasnosti v telemeditsinskikh sistemakh na osnove model'nogo podkhoda, Voprosy kiberbezopasnosti, 2014, No. 5(8), pp. 21-29.
12. Buldakova T.I., Krivosheeva D.A. Ugrozy bezopasnosti v sistemakh distantsionnogo monitoringa, Voprosy kiberbezopasnosti, 2015, No. 5(13), pp. 45-50.

Над номером работали:

Главный редактор	А.В. Федичев
Ответственный секретарь	Э.И. Атагимова
Ответственный редактор	Ю.В. Матвиенко
Литературный редактор	Е.В. Горбачева, Т.В. Галатонов
Выпускающий редактор	И.Г. Колмыкова
Компьютерная верстка	Н.Г. Шабанова